

КРОКОДИЛ

№ 32 ● ноябрь ● 1981

ISSN 0130-2671

— Уже Васька вернулся с крыши, а нашего оборота до сих пор нет!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Юрий БОРИН,
специальный
корреспондент
Крокодила

БЫТЬ ЛИ ЗОЛУШКЕ ПРИНЦЕССОЙ?

Однажды утром бабка Даша нашла в своем почтовом ящике открытку. На лицевой стороне была изображена довольно упитанная розовая свинка, которая держала в руках поднос с горой колбас и окороков, а рядом со свинкой стояли бачки с надписью «Для пищевых отходов». На обороте открытки было напечатано, что каждая тонна отходов при скармливании дает 30—35 килограммов дешевой свинины, а пять тонн пищевых отходов экономят государству тонну зерна.

То, что свиней можно кормить остатками от стола, бабка знала преотлично: сама прежде жила в деревне. И теперь Дарья Петровна загорелась желанием помочь государству откормить хотя бы одну свинью и тем самым сэкономить драгоценный хлебушек.

Вышла бабка на лестницу с миской, полной картофельных очистков и арбузных корок, но сваливать их было не во что.

С миской в руках побежала Дарья к тете Элеоноре, которая прежде называлась дворничихой, а теперь (видимо, из престижных соображений) именовалась дворовой рабочей.

— Леонорка, ты что ж это ведра-то для отходов не поставила? — крикнула бабка Даша. — Давай скорей, а то мне их сваливать некуда!

ГОЛОСА ПЕРСОНАЖЕЙ ФЕЛЬЕТОНА

— Девять с полтиной за тонну отходов! Сам их собирай!

— На столах черствеет хлеб!
А нам это выгодно!

— Нет денег на строительство кормового завода! Зато два миллиона отвалили на ремонт ресторана!

Тетя Элеонора, которая подметала двор, отставила в сторону метлу, уперла руки в боки, смерила бабку взглядом с ног до головы и ехидно спросила:

— А где я тебе возьму эти ведра? Может, хочешь, чтобы я за свои деньги покупала? Дудки!

Такая ситуация немного удивила Дарью Петровну. С одной стороны, жителей города Харькова вроде бы призывают собирать пищевые отходы, а с другой — вроде бы блокируют это полезное дело.

Но бабка Даша была вполне сознательная и в отличие от тети Элеоноры не пожалела денег. Она купила большую выварку и поставила ее на лестнице. А также призвала соседок кидать в эту выварку все, что останется от стола.

На другой день выварка была полна.

— Ну вот, — сказала удовлетворенно бабка, — где там эти свинки?

И вместе со смирившейся дворничихой они сволокли тяжелую ношу вниз, к подъезду, откуда пищевые отходы должны были транспортироваться в загородное хозяйство, где откармливались свиньи.

Однако выварка стояла у подъезда и день и два, но никто решительно не собрался ее вывезти.

— Слушай, — спросила бабка Даша у дворовой рабочей Элеоноры, — когда же

наконец приедет машина? Ведь отходы-то портятся! Скажи там в жэке...

— Темная ты, бабка, и некультурная. Газет не читаешь. Жэки давно переименованы в жэу, что значит жилищно-эксплуатационный участок, — ядовито заметила Элеонора. — Реорганизация у нас.

— А мне все одно, — поджала губы бабка Даша, — что жэк, что жэу. Тут уже пахнуть начинает.

И она сама пошла в этот самый участок.

Но в участке сказали, что вывозка пищевых отходов возложена на особую контору по заготовке неплановых кормов. А что контора плохо вывозит, так это тоже верно. И жэу надоело платить штрафы санинспекторам за антисанитарное состояние дворов.

— Так что, — сказали бабке Дарье, — если хочешь, иди туда и жалуйся. Вот тебе адрес: Мерефянское шоссе, дом тринадцать...

Но бабка ни в какую контору не поехала — охота была тащиться в такую даль, когда на Дарье Петровне весь дом: стирка, готовка, уборка к тому же внук Витька, озорник и лодырь, не хочет делать уроки, все бы ему по улице гонять...

А машина так и не пришла. Пищевые отходы, которые должны были сэкономить драгоценный хлебушек и одновременно дать людям дешевую свинину, испортились и были зарыты в дальнем углу двора. В связи с чем бабка смертельно обиделась на упомянутую контору.

Между тем обиделась старая зря. Потому что у конторы по заготовке неплановых кормов были свои не менее сложные проблемы. Каждое утро у директора конторы Д. Зукановича болела голова.

Едва руководитель конторы появлялся на работе, как у него начинал звонить телефон. Звонили из жэу, детских садов, из столовых, больниц и школ:

— Почему не пришли машины?

— Когда наконец будут вывезены отходы?

— Безобразия! Сколько можно ждать?! И тому подобное.

А директор думал: «Значит, так. Имеется в наличии семьдесят четыре машины. Из них тридцать шесть неисправных. Ос-

Мы подслушали наемди,
Как на лавочке соседней
И девчонки и мальчишки
Пели в лад четверостишки:

— Возле дома детплощадка,
А на ней большая грядка.
Наши мячики летят
То в капусту, то в салат!

— А на нашей скуки ради
Дяди стучают в «козла»...
Говорят при этом дяди
Очень странные слова.

Юрий ЦЕЙТЛИН

ЧЕТВЕРО- СТИШКИ

— Вся квартира в полировке...
Ну, куда деваться Вовке?
Вовке дома нету места —
Вовка бродит по подъездам.

— Можно в ТЮЗ купить билеты,
Но с «нагрузкой» для плана...
Дали Ирочке со Светой
В счет «нагрузки»... «Дон Жуана»!

— Всполошились папы, мамы:
«В школе новость —
орфограммы!...»

Папы, мамы захандрили:
«Это мы не проходили!»

— Школьный врач нам целый
вечер

О здоровье говорил...
Школьный врач во время речи
Пачку «Явы» искурил.

— Лера в центре проживает.
Школа рядом, в двух шагах.
Лера к школе подъезжает
На отцовских «Жигулях».

тается тридцать восемь. Но и эти тридцать восемь не могут выйти на линию, потому что нет горючего. Спрашивается: что делать?»

Что-либо делать было трудно, потому что когда появлялось горючее, не хватало авторезины, а когда были и горючее и авторезина, ощущался острый дефицит запчастей для срочного ремонта.

Д. Зуканович думал: «Дернула же меня нелегкая согласиться пойти на должность директора такого предприятия! Контора по заготовке неплановых кормов... Да ведь она ничего не заготавливает, только перевозит. К тому же на эти неплановые корма дают такой план, что, если даже вывернешься наизнанку, все равно не выполнишь». И еще думал директор, что в конторе нет ни одной специальной машины для перевозки пищевых отходов и грузчиком приходится переваливать через борт грузовика или самосвала тяжелые баки. Что людей для такой работы подобрать невероятно трудно, поскольку оплата низкая. И что вообще коммунальное хозяйство почитается какой-то золушкой среди всех прочих отраслей. А вверенная ему контора — и того обидней — золушкой даже в коммунальном хозяйстве...

Вот почему свинки в пригородных подсобных хозяйствах, принадлежащих областному управлению общественного питания, живут впроголодь. Маловато им поступает кормов из огромного города с полуторамиллионным населением. Ведь не одна бабка Дарья не собирает ценный корм. Сотни тысяч харьковчан не сдают пищевые отходы — то ли из-за отсутствия емкостей, проще говоря — бачков, то ли из-за организационных неувязок между местными Советами и ведомствами, которым принадлежит почти половина жилого фонда, то ли просто потому, что люди живут в домах, снабженных мусоропроводом. Все летит в эту ненасытную трубу. А заставить дворника извлекать из контейнера с мусором пищевые отходы уж, конечно, не могут те девять с полтиной, которые полагаются ему за сбор каждой тонны кормового сырья.

Кстати о материальных стимулах. У работников общественного питания расцен-

ки еще ниже: рубль-два за обычные отходы. Зато тридцать рублей — за хлеб. Не значит ли это, что работникам столовой выгодно, чтобы оставались на столах куски хлеба, и, стало быть, они очень охотно нарезают его побольше? Довольно-таки расточительная получается экономия. И вообще, не пора ли пересмотреть расценки, введенные много лет назад?

...Однако вернемся к нашей бабке.

— Слушай, — сказала она мне, — а ведь эти самые отходы просто так поросенку скармливать нельзя. Их сперва сварить надо, а то, не дай бог, отравится. Ведь в ведро бросают все что попало.

А это — уже другая сторона проблемы: переработка пищевых отходов.

И тут обнаружилось: если свершится чудо и все поголовно жители Харькова станут собирать пищевые отходы, а контора будет их перевозить, — произойдет ужасное. Руководители подсобных хозяйств немедленно возопят:

— Прекратите! Остановите конвейер!

И правильно возопят. Потому что те маломощные кормокухни, которые имеются в семи хозяйствах, не в состоянии переработать больше, чем они обычно перерабатывают.

Несколько лет назад задумали строить кормовой завод. Завод должен был накормить пищевыми отходами дополнительно тридцать тысяч свиней. И его стали проектировать, на что затратили пять

тысяч рублей. А сам завод должен был стоить что-то около 3—4 миллионов.

Но Министерство торговли Украины не отпустило на эту пятилетку указанных миллионов. Проект положили на полку в ожидании лучших времен.

Ну что ж, подумал я, видно, деньги нужны на более важные цели.

Подумав так, я почувствовал голод: наступило время обеда. А из ресторана гостиницы «Харьков» где я остановился, доносились щекочущие ноздри соблазнительные запахи.

Я вошел в ресторан — и не узнал его. Последний раз я был здесь года полтора назад. Сейчас зал блистал новой отделкой, стояли обитые зеленым бархатом мягкие скамьи.

— Да, был ремонт, — улыбнулся официант. — Два миллиона на него отвалили.

— А зачем? — удивился я. — Ведь и раньше ресторан выглядел неплохо.

— Начальству виднее, — сказал официант. — Так что будем кушать?

И я подсчитал: два миллиона угрохали на ремонт одного ресторана, весь же завод по переработке кормов обошелся бы максимум в четыре. Так, может быть, поэтому у Министерства торговли не хватило денег на строительство завода?..

...Так или иначе, но теперь открытка с упитанной розовой свинкой уже не вызывает у бабки Даши никакого энтузиазма.

г. Харьков.

Итак, парадоксальная возникает ситуация. С одной стороны, харьковчан (и, разумеется, не только харьковчан) призывают собирать пищевые отходы, чтобы тем самым помочь государству в увеличении производства мяса и экономии хлеба.

С другой стороны, никаких условий для расширения сбора, улучшения транспортировки и роста переработки этих отходов власти города Харькова (и, к сожалению, не только Харькова) не создают.

Вот и хотелось бы услышать от всех причастных к этому нелегкому, но насущно важному делу ведомств и организаций: что предпринимается, чтобы КАЖДАЯ городская семья не выбрасывала кормовое сырье на свалку, а передавала государству!

ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТА

Покончив со всеобщим средним, Костя Баранкин не радовался так бурно, как его учителя. Он думал. С непривычки болела голова, но обширные жизненные планы никак не вписывались в тесные рамки действующего законодательства. А жизнь в лице участкового требовала конкретных дел. И Костя решил.

Он купил по случаю подержанные права и быстро освоил теорию и практику. Когда научился даже тому, что не по плечу рядовому любителю, а именно передвигаться задним ходом, решил: пора! Пора угонять!

Автомобиль — воплощение двух величайших зол современности: загрязнения среды и дефицита. Вдумчиво пересмотрев нашумевший в свое время боевик «Берегись автомобиля», Константин решил бороться с обоими, освобождая родной город от выхлопных газов и одновременно удовлетворяя спрос в теплых краях, у ласкового моря, где заурядный «Жигуль», по слухам, тянул до двадцати тысяч.

...За спиной в ночном небе померкло зарево московских огней. В багаж-

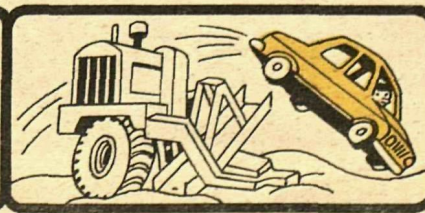
нике уютно булькали запасенные канистры с бензином. Дорога катилась под колеса, теплая и бесконечная, как сама жизнь. В стороне промелькнула мирно спящая Кашира. До моря — 1400 километров. Всего...

Серия страшных ударов раздробила мысль: всего!.. двадцать!.. часов!.. нормальной!.. езды...

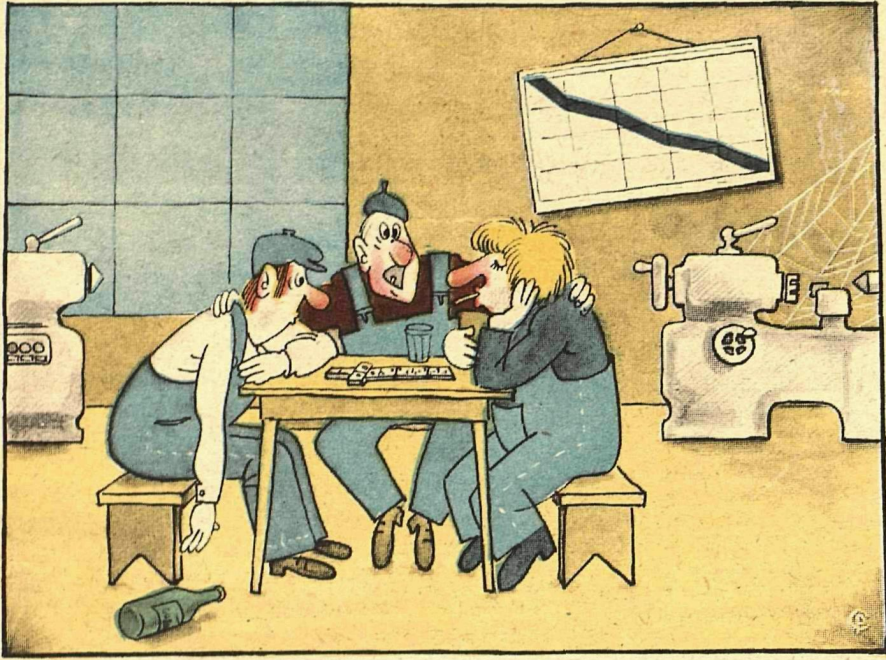
Это начались знаменитые ефремовские колдобины — глубокие ямы, прихотливо развешенные шоссе от дальних подступов к городу Ефремову и почти до самого Ельца. Об их существовании Константин не знал и в своих планах, естественно, не учитывал.

Несчастный «Жигуленок» плелся черепашим шагом и только поэтому на 348-м от Москвы километре не угодил в грейдер, не огороженный никакими предупреждающими знаками. К утру, измотанный и обессиленный, угонщик добрался до Ельца и поехал прямо через город, решив на всякий случай запутать следы. Большой щит при въезде оповещал: скорость в городе —

Продолжение на 6-й стр.

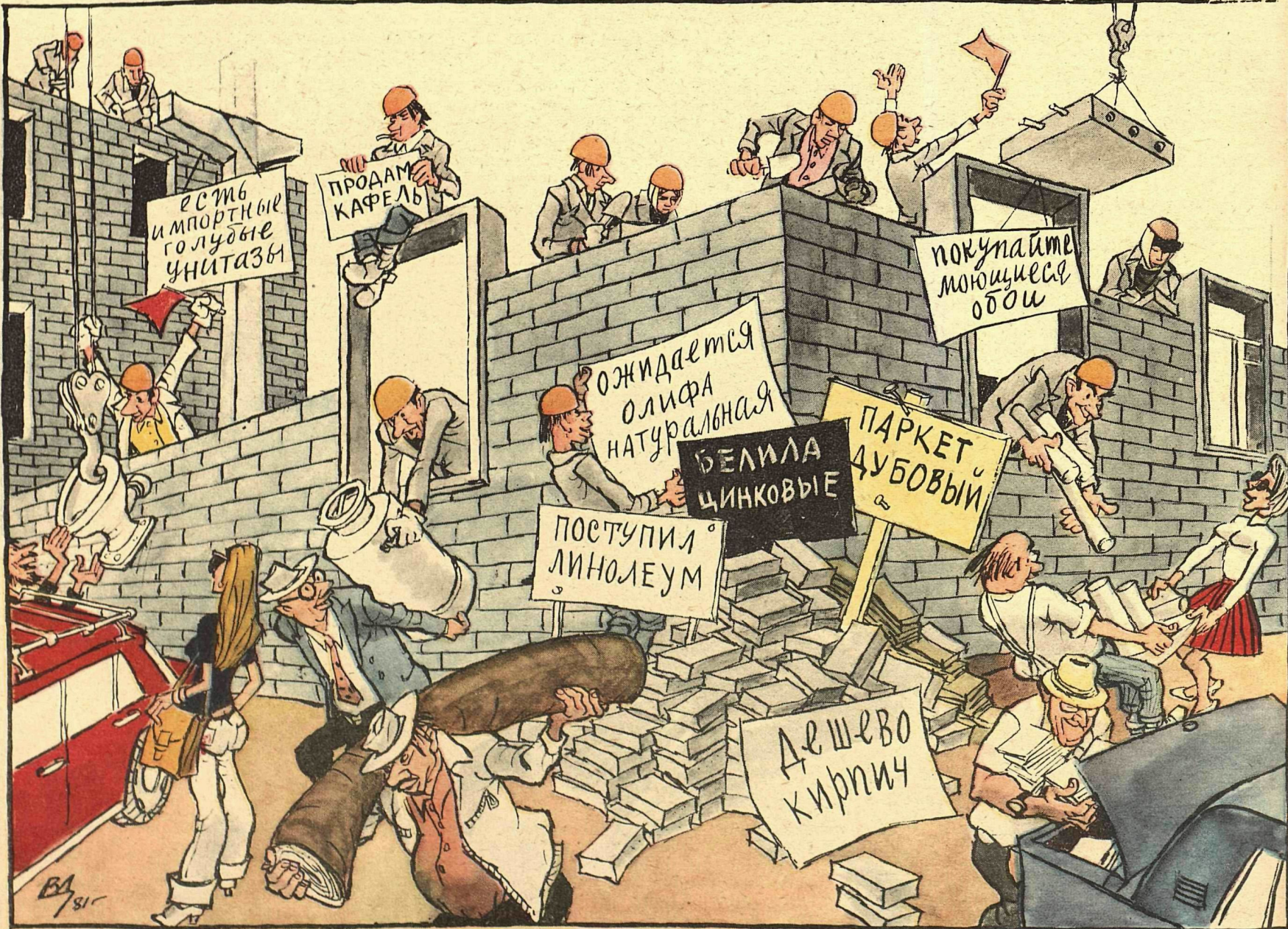
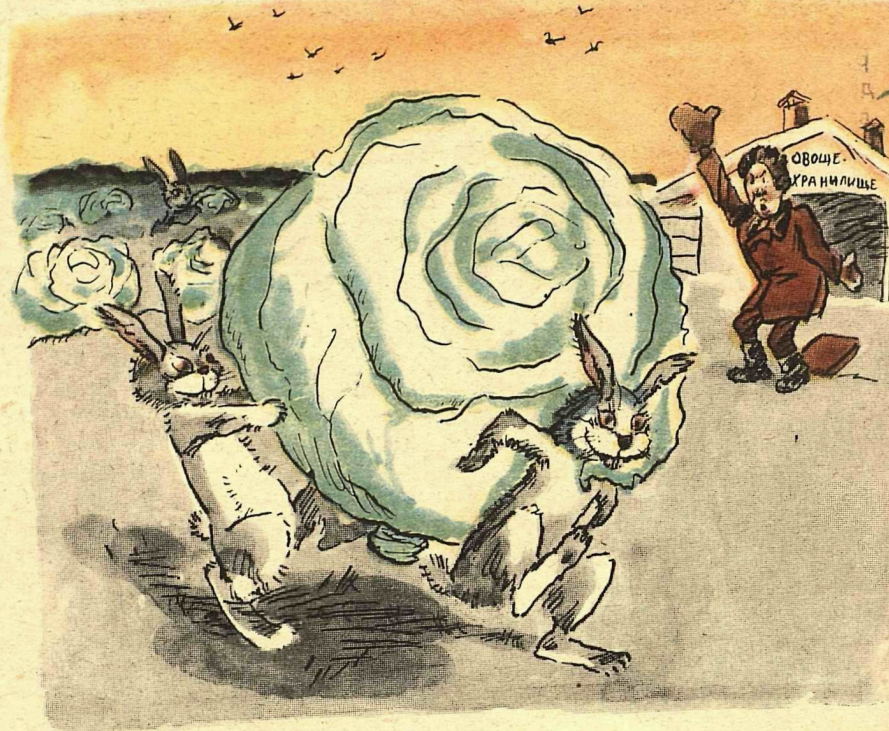

КРОКОДИЛЬСКИЙ

—А помните, мужики, как я в вашу бригаду пришел, чтобы вывести ее в передовые...

Рисунок Р. САМОЙЛОВА.

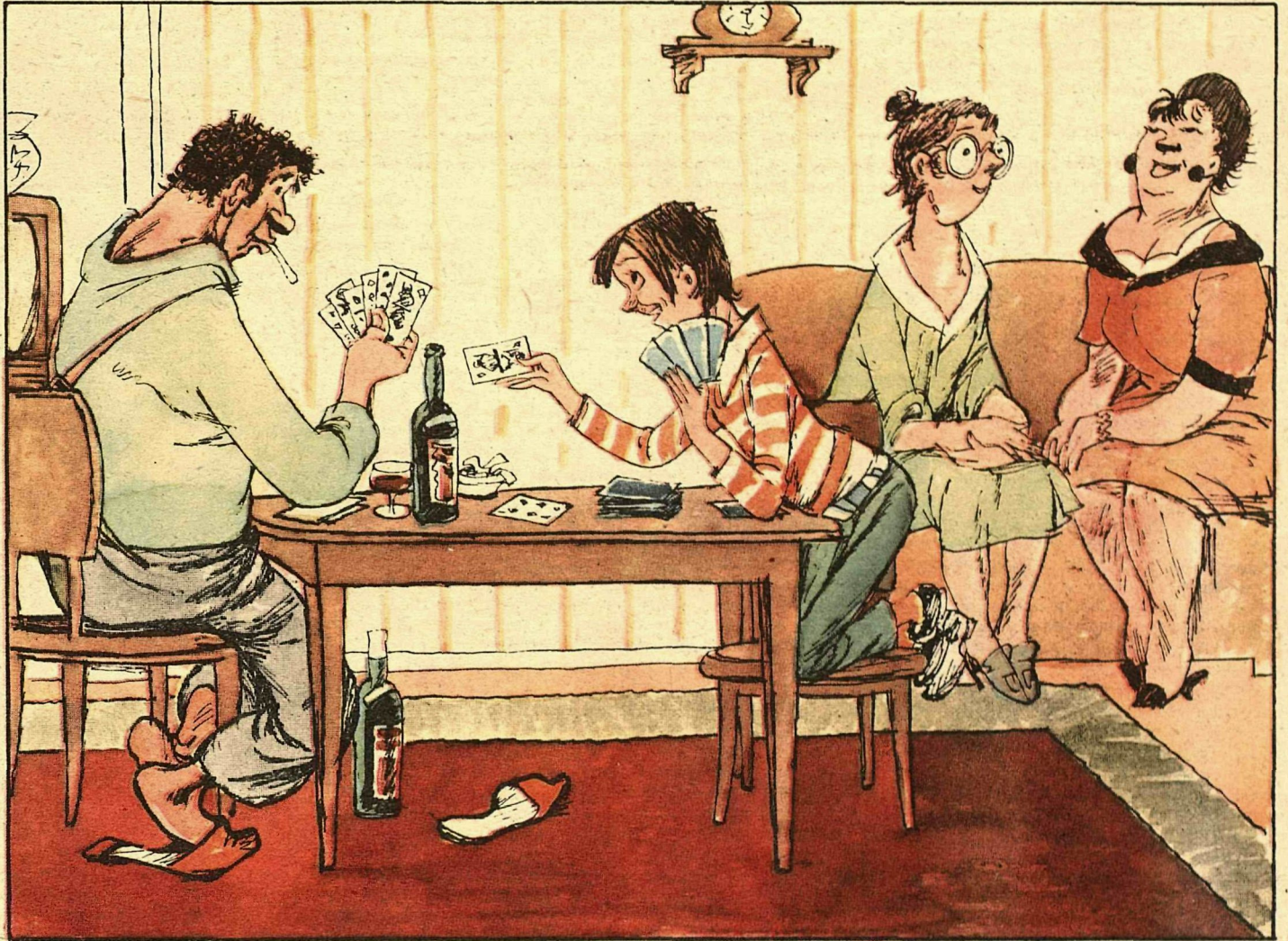
БЫВАЕТ И ТАКОЕ...

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

ИВОЗАП

— А мы с мужем не разрешаем сыну играть во дворе, боимся дурного влияния улицы.

Рисунок Г. ИОРША.

— Не проходите мимо!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

— Напрасно радуешься, Джек, я не на охоту, а через дорогу за сигаретами.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

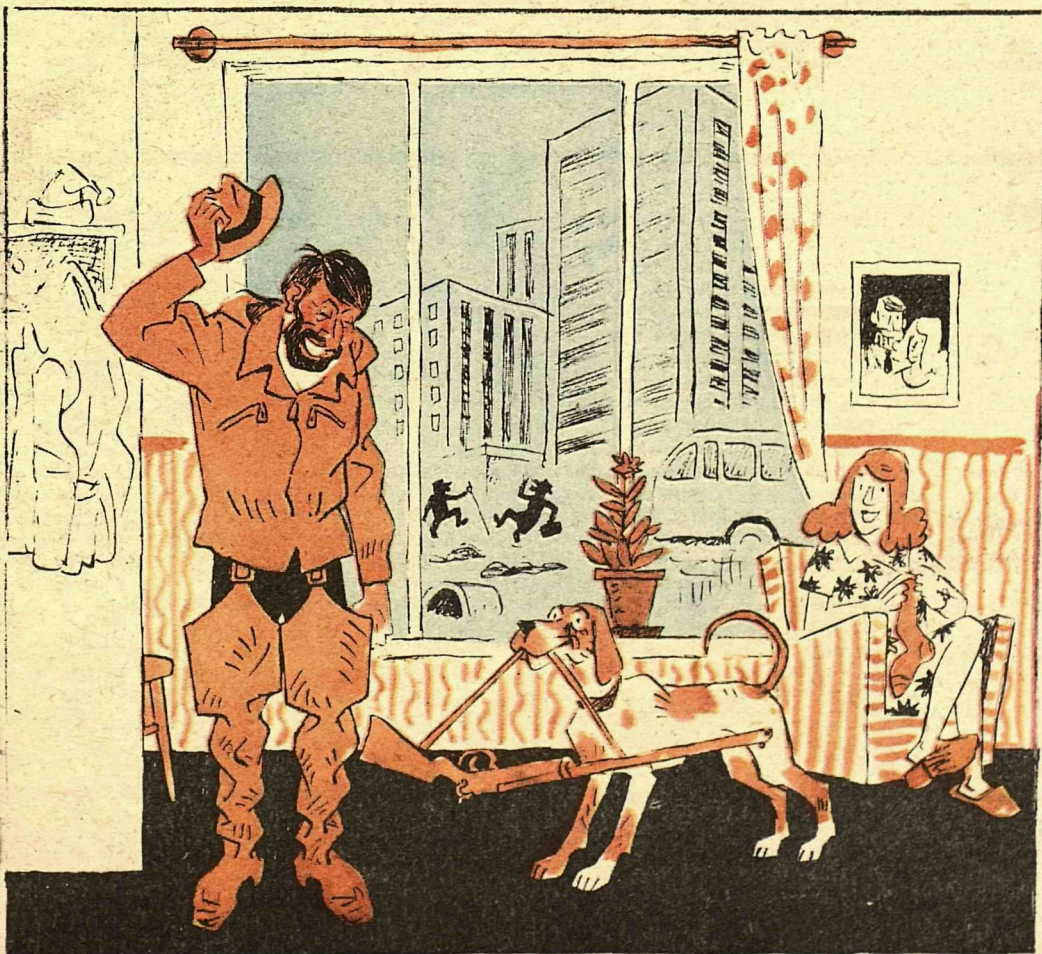

Рисунок В. МОХОВА.

Серебристо-черная по мелколесью острова принца Эдуарда шла лиса. Ну, и шла бы себе лиса по своим мышеядным делам, да один биолог обратил внимание на дружелюбие и лояльность лисы.

Было это в тридцатые годы. И вальяжной, спокойной лисе подобрали с воли уравновешенного же лисовина.

Дальше были все эти селекционные штучки: рецессивность, доминантность, перекрестное спаривание и все в этом роде. И для клеточного разведения получили идеальную линию лис.

На Советском Дальнем Востоке прочитали об этих американских делах комсомольцы-биологи Сысоев и Кун. И подвижническим трудом Кун—Сысоев вывели клеточную линию соболя.

Тогда ферму посетила проверка. Один инспектант истово дразнил портфелем и извлеченным из портфеля безменом соболюшек и соболей.

— Не щерятся,— заключил инспектант.— Уважают.

— Значит, будем фиксировать,— заключила проверка.— Как достигнут такой показатель?

Стали со слов энтузиастов записывать, покуда не дошли до питания.

— Ничего себе,— сказал тот, что с безменом.— И рыбу им дай от свежайшей до подтухлавленной, и фрукты-овощи...

— Ага,— закивали энтузиасты.— Это тонкая вещь — питание соболя. Он на воле полтораста провиантов отыскивает. А у нас при сохраненном вольном качестве меха потребляет всего двадцать шесть провиантов.

— То есть мед, фрукты-овощи, убойна кровяная,— с насмешливой иронией припомнили ревизующие.— А еще, стало быть, соболям потребно шампанское «Мумм», номера в «Метрополе» с белым роялем, своя ложа на ипподроме, туалеты вечерние от портного Наркоминдела Журкевича. Вы тут не крутите, граждане, лучше честно выкладывайте, сколько деликатесу в виде меда и кровяной свежайшей прете себе за пазуху под марку бессловесных животных!

И хотя клялись истово энтузиасты, что ни крошечки с соболиного стола себе в рот не смахнули, страшно врезала им бдительная проверка, угрюмые выводы разослав и раззвонив всем, всем, всем.

Так развалилось дело Куна—Сысоева. Лет через тридцать, конечно, выяснилось, что те отраслевые инспектора были некомпетентны, предвзяты, а один даже дубиноголов. Но уже, как говорится, поезд ушел.

Но ухватка не умерла, нет. Сообщает наша печать о династиях корабелов, хлебопашцев, музыкантов, ватерполистов — и скоропалительные, с бухты-баракты инспекторские династии есть. И есть полные основания заключить, что до крайности многодетным был всяк участник соболиной

проверки, а дразнильщик зверей безменом был настолько активным мужчиной, что ребят имел в плоть до тысячи, причем все они вылитый папа.

Тем временем минули годы, и пришли с утра выполнять свой медицинский долг врачи и медсестры первоклассного московского тубдиспансера № 16. Они выполняют, как вдруг с треском раскрылась дверь, в дверь ввалились несколько человек, закричав:

— Всем стоять на местах!

В руках у ввалившихся, похоже, не было пистолетов, но обстановка складывалась однозначная той, что знакома нам по телепрограммам «Сегодня в мире» или же «Международная панорама»: сейчас всех построят лицом к стене, руки велят взять на затылок.

— Граждане, да куда же вы вламываетесь в нестерильной одежде? — возмутилась зав. отделением И. Г. Шкловская.— Кто вы?

— Мы проверка,— сказали суровые люди, обнажая принесенный с собой безмен.— Сейчас будем взвешивать ватки, которыми натирают зад пациентам перед уколом. Сперва ватки взвесим в сухом состоянии, потом — увлажненные спиртом, потом учтем весовой коэффициент испарения, вычтем вес размазанного по заду, а оставшийся вес помножим на число произведенных уколов. Под маркой уколов вполне может быть канальчик хищений спирта.

Конечно, очень гражданственный человек врач И. Г. Шкловская все сказала потомкам человека с безменом. Было сказано, что методика их проверки невежественна и дика. Что такой кондовый, нахрапистый стиль проверки унижает достоинство медперсонала, дискредитирует его перед больными.

— Ничо, ничо! — деловито молвили инспектанты.

И, кропотливо взвесили ватки.

— Да,— сказали они затем,— в этот раз, врачи, у вас все в порядке, покуда работайте.

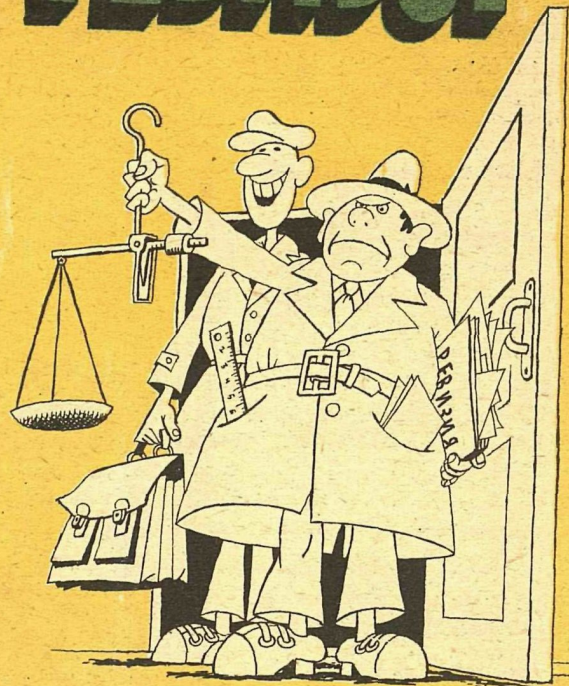
И ушли. Но работа у врачей в этот день почему-то не клеилась. И в последующие дни не совсем. Черт знает какие тонкие, какие ранимые стали люди. Уже их беспочвенно и не прижучь, не тряхни!

А жучить надо, считают люди с безменом. И по бухгалтерской линии моментально возникли они в Московском серпентарии, за спинами лиц, производящих по долгу службы редкостные и опасные действия.

— Вы чего это тут делаете? — протискиваясь, спросили люди специалистов.— В руках у вас что?

— Граждане,— сказали специалисты,— в руках у нас змеи-гадюки, мы берем у них яд для лекарственных нужд. И по инструкции, граждане, вам нельзя торчать за нашими спинами, нельзя нас нервировать. Для нашей жизни это опасно. Тем более, граждане, в нашем очень специальном деле вы, извините, ни уха, ни рыла не смыслите.

К вам ЕДЕТ РЕВИЗОР

— Ничо, ничо! — приструнили люди с безменом.— А вот мы взвесим змею до отдания яда, потом после отдания, потом яд взвесим отдельно, вычтем коэффициент шипения змей — что-нибудь да про вас установим!

И, как говорится, дав острастку и наделавши шороха, внезапно ускорили. Затем, возможно, они бросились в самолет и приземлились в Хабаровске.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТА

(Начало на 3-й стр.)

40 километров в час! Константин самоуверенно ухмыльнулся, но скоро уже проклинал предусматрительных ельчан: они так вымостили дорогу, что редкий ас мог достичь разрешенного предела.

В близлежащем Задонске шоссе, особенно в районе моста, еще больше напоминало стиральную доску. Миновав злополучный населенный пункт, Баранкин съехал на обочину и тут же уснул.

Он проснулся под вечер, вяло сжевал пару бутербродов из полиэтиленового пакета и поспешно тронулся в путь. Ехать уже не хотелось, но сидеть в раскаленной за день машине было еще хуже.

Дорога на Воронеж после всего перенесенного казалась чудесной. А когда шоссе втекло в сосновую рощу и в открытые окна полился густой благодный аромат, обманчивая надежда воскресла в сердце злоумышленника. Но после указательного щита «Зона заповедника. Остановка запрещена!» сердце его вновь упало. По обочинам густо стояли машины, мотоциклы и мопеды, а разливах заповедных болот вокруг реки Воронеж качивались многочисленные лодки. Засада! Перекрыли все пути? Константин увидел взмах удочки, блеск пойманной рыбы и дрожащей рукой отер лоб. Однако ощущение сжимающегося кольца не проходило.

Вскоре он понял, что покоя больше не будет. Опасности подстерегали на

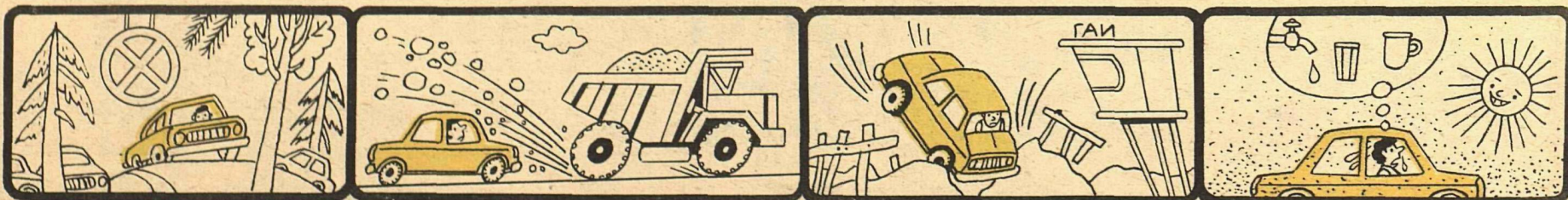
каждом шагу. Баранкин едва справился с управлением на свежеполитом битумом 771-м километре и подумал, что, вероятно, проглядел знак «Скользкая дорога». Но, когда на 948-м километре по лобовому стеклу полоснула очередь из-под колес встречной машины, он мог поклясться, что ничего предупредяющего о возможном выбросе гравия не было. Соответствующий знак Константин увидел только метров через триста, там, где дорожный комбайн трудолюбиво намазывал на полотно сдобренную битумом щебенку.

В 37 километрах за Ростовом-на-Дону возле самого поста ГАИ машина влетела в развороченный ремонтниками и неправильно огороженный кювет и чудом не перевернулась. Константин все яснее чувствовал: неспроста все это.

...Угонщик изнемогал от жажды. Не решаясь попросить воды в придорожных домах, он легкомысленно решил остановиться у ближайшего колодца. Если бы он знал, что до самого моря нет на его пути места, где можно, никого не обременяя, умыться, напиться, набрать воды!.. Но тут возникла новая забота: колючий красный огонек на щитке сообщил, что на исходе бензин...

После этого Баранкин заезжал на каждую автозаправочную станцию, но только затем, чтобы прочесть прилепленную на стекле стандартную записочку: «Бензина нет никакого, дизтоплива нет, масла нет».

На 176-м километре за Ростовом «Жигуленок» орлом взмыл на внезапно выросшую перед ним кучу щебня, снес с ее вершины знак «Ремонтные работы», а уже перед самым Краснодаром едва успел обогнуть аналогичную кучу и несколько устрашающих дорожных машин, впритык к которым стояли почему-то знаки «Въезд запрещен» и «Сужение дороги».

— Поверьте, уже нету сил, — признался в Хабаровске главный инженер объединения «Приморзолото» И. Л. Каганович. — Когда по Центральному телевидению показывают следствия и ре-визии, «Приморзолото» воеет в голос от зависти: ведь есть же ревизоры, до тонкости знающие порученный им для проверки процесс! Где они, почему не приедут к нам, когда есть нужда в плановой или внезапной проверке? Почему всегда на пороге нашего объединения возникают малочуленные, но запугивающие отроки и отроковицы с безменом и рулеткой под мышкой?

И спустя некоторое время очередной человек с безменом из Росмясомолпрома, прилетев из Москвы в Якутск, озирает хоздвор мясокомбината в Якутске.

— Перевесьте мне все наличное складское мя-со, — говорит он. — Может быть, тут есть недоста-ча. Может быть, в несколько тонн.

— Ой, держите меня! — прошептала одна ра-ботница, материально ответственное за мясо ли-цо, выпавшая с инфарктом на руки дирекции.

— Товарищ из центра, — сказали мясокомбинат-чики, — не будем перевешивать, а? Мясо в пла-стах сморожено. Из цехов придется отозвать десятки людей, чтобы ломами разбить это мясо для взвешивания. Мясной продукции не полезно это — ломами. Вы замерьте кубатуру мяса, а по ней установите вес.

— Шалишь, — сказал человек с безменом. — Знаем мы мясокомбинатские штуки.

И мясокомбинат, тормознув работу, взял склад-ское мясо в ломы. Но вес совпал с документиро-ванным тютелька в тютельку.

— Ладно, — разрешил тогда человек с безме-ном, — отпусайте людей по рабочим местам. На 12 часов 47 минут я у вас фиксирую честность.

«Да отставить же!» — вот какой бы по всем этим делам напрашивался руководящий крик. Отста-вить задерживание и нервировку работников, а иногда просто хороших людей, безграмотными, мизерными, головотяпскими проверками, а даешь проверки, ревизии корректные и в то же время глубокие, всесторонние, высокоПРОФЕССИО-НАЛЬНЫЕ!

После сочинения данного фельетона испытал гражданское удовлетворение автор. Но вслед за тем и некоторую тревогу. Ибо представил вполне отчетливо, как некое материально-ответствен-ное лицо, свернув данный номер журнала в мухо-бойную трубку, подкарауливает первого же про-веряющего, чтобы — бац, бац! — надавать ему ло-занов фельетоном и оборониться им от всякого ревизования.

Так нет же, товарищ лицо. Не сворачивайте в трубку журнал. Ибо в данном фельетоне автор восстает не против проверок, ревизий, а за, от-чаянно за. Но за такие, когда бы квалификация проверяющего всегда была выше или хотя бы ровень с квалификацией проверяемого.

Ю. МИХАЙЛОВ

Что НОСИТЬ под?

Цель моего путешествия была чисто приобретатель-ская: я намерен был куп-ить себе трусы.

Немного этимологии. Слово «трусы» иноязычного происхождения. Английское слово «трауэз», попавшее к нам в пору давнего куль-турного обмена вместе с диковинным предметом, первоначально означало «штаны», или «шаровары». Но теперь, прилаженное, одомашненное, оно означа-ет то, что означает. И ни-кто не подумает «джинсы» или «портки», если я скажу «трусы».

О давешние трауэз, где я вас только не искал! В го-родах и всяях, в больших магазинах и маленьких, в универмагах и сельпо. И везде мне отвечали «нет», что означает именно «нет».

И тогда-то я решил от-правиться в туристские и курортные места...

В регионе Минеральных Вод есть минеральные во-ды, есть Провал, но трусов нет. В преславном городке Теберде есть, казалось бы, все: горы, конные маршру-ты (верхом!), водопад и нар-заны, но «коротких штанов для купания или для спор-тивных состязаний» (по сло-варю Ушакова) здесь нет как нет. В Архызе, этой «жемчужине Кавказа», име-ются турбазы, Софийские озера и магазины, но пре-

следуемых предметов сно-ва нет.

Ничего, сказал я сам се-бе, впереди еще столько курортных городов, где предметы пляжного, то бишь нижнего, туалета продаются в каждом киоске!

Я сбежал по трапу в Су-хуми, помчался по магази-нам, заглядывал в киоски. Трусы? Нет, нет и нет...

Теплоход «Литва» повез меня дальше. Сочи! Все есть, включая три миллио-на отпускников, через шаг наталкивающихся друг на друга. Я расспрашивал — никто не видел, никто не знает... Я не поверил, разы-скивал... увы!

Одесса! Мой солнечный город! Дерибасовская! На-до ли снова признаваться в крахе надежд приобрести «короткие (купальные, спор-тивные или носимые как бе-лье) штаны» (по словарю Ожегова)?!

Здравствуй, столица, здравствуй, Москва! При-ехав переполненный впе-чатлениями, но без трусов, я набрался нахальства и по-звонил знакомому, который все может... На другой день я купил, сколько мне нужно было... И теперь хожу и не нарадуюсь.

И я позвонил в Минле-пром, швейникам, которые проектируют, кроят и выпу-скают в продажу искомые предметы разных расце-

ток, размеров и фасонов. Там выяснилось, что в 1980 году «трусодёлами» страны в целом было недодаано по-требителю 18 миллионов пар. Вспомним поэта: «Кто трусы ребятам шьет? Ну, ко-нечно, не пилот». Хотя вот ДОСААФ, например, шьет. И другие ведомства шьют, и местная промышленность, само собой. И те и другие план 1980 года не выполни-ли. Причем существенно. Лишь легкая промышлен-ность управлялась с планом и даже перевыполнила его на 2 процента (но доля ее в общем «трусопроизводстве» невелика — примерно 17 процентов).

Швейникам на 1981 год Госплан значительно увели-чил план по производству трусов и некоторых других дефицитных товаров, како-го: белья постельного, ком-плектов для новорожден-ных, колготок, а хлопчато-бумажной ткани на это уве-личение — 65 миллионов метров — не дал. Из чего же шить? Из воздуха?

Так да здравствуют же брючки! Вы спросите: по-чему? Разве у нас наступил перелом с ассортиментом брюк, с качеством пошива и ткани? Перелом пока не наступил, но брюки есть. А раз есть, кто догадается, что под ними ничего нет? Так восславим же брючки-ков!

Свернув на стрелку с надписью «Новороссийск», Константин почувствовал некоторое облегчение: до моря оставалось меньше 150 километров. Он долго ехал по абсолютно глухому, без малейших указателей шоссе с многочислен-ными манящими поворотами, с трудом подавляя желание остановиться и спросить дорогу. Но вот, как награда, вновь мелькнула голубая стрелка: «Но-вороссийск». Баранкин радостно свернул в указанном направлении и через мину-ту с хорошего асфальтированного шоссе выскочил на пылящий грейдер.

Еще полчаса он беспомощно крутился по таинственным безмолвным лаби-ринтам дороги, созданной для того, чтобы транзитные автопутешественники могли с удобством миновать город Краснодар. Наконец, он выбрался на широкую прямую трассу и помчался вперед, выжимая из машины последние лошадиные силы и капли бензина. Ветер с моря уже щекотал его ноздри, когда на обочине неотвратимо вырос указательный щит: «Ростов н/Дону — Москва». Константин понял, что едет в обратном направлении.

Мотор чихнул в последний раз и умолк. Навстречу по шоссе неспешно при-ближалась скромная черная «Волга». Костя Баранкин сквозь слезы увидел усталое, до боли знакомое лицо участкового, и силы покинули его...

ТАКОВ ЗАКОНОМЕРНЫЙ КОНЕЦ ЭТОЙ НЕ ОЧЕНЬ ПРИДУМАННОЙ ИСТО-РИИ, В ОСНОВУ КОТОРОЙ ЛЕГЛИ ПОДЛИННЫЕ ФАКТЫ, ПОДОБРАННЫЕ АВТОРОМ НА ДОРОГЕ ВО ВРЕМЯ ПОЕЗДКИ ПО УКАЗАННОМУ МАРШРУТУ. ПУТЕШЕСТВИЕ БЫЛО ПРЕДПРИЯТО НЕ БЕЗ МОЕГО ВЕДОМА, ТАК ЧТО ЗА ДОСТОВЕРНОСТЬ РУЧАЮСЬ. ЧТО КАСАЕТСЯ ДЕТЕКТИВНОЙ ФАБУЛЫ — ТУТ, РАЗУМЕЕТСЯ, ИМЕЕТ МЕСТО НЕКОТОРАЯ ДОЗА ТВОРЧЕСКОГО ВЫМЫСЛА.
КРОКОДИЛ.

МИМОХОДОМ

Мало подавать надежды. Надо еще знать, кому их по-давать.

Евг. ТАРАСОВ.

Как мало человеку нужно и как много, чтобы это понять.

С. КРЫТЫЙ.

Не пора ли в поединках с самим собой ввести лимит ничьих?

Вл. КИРИЧЕНКО.

Чем глубже погружаешься в работу, тем труднее быть у начальства на виду.

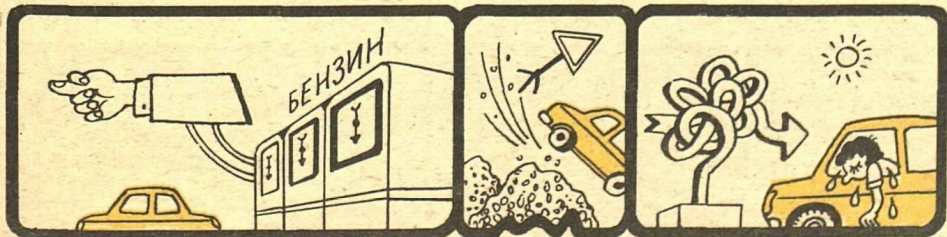
Кирилл КЮДОВ.

Даже растяжимое понятие не должно быть безразмер-ным.

Д. РУДЫЙ.

Труд создал человека, а уж отлынивать от него он научился сам.

С. МАРКОВ.

Подражания

Суть вещей вырывать из хаоса,
Жизнь на мелочи не дробить.
Маргарита любила Фауста,
Мефистофеля б ей любить!
Надежда ПОЛЯКОВА.

Бабы, бабы, кого вы любите!!
Как посмотришь — бросает в дрожь...
Вы себя понапрасну губите,
Пропадаете ни за грош.
Приглядитесь к своим избранникам,
Покопайтесь в их естестве —
Голопузики, голоштанники,

ЛЮБОВЬ ЗЛА...

Александр
МАТЮШКИН-ГЕРКЕ

Бесприданники в большинстве.
Вот бы выбрать вам настоящего,
Домовитого мужичка:
Некурящего, негулящего
И непьющего старичка.
Но, такое отвергнув в ярости,
Вы торопитесь под венец;
Прокукуете век
и к старости

Прозреваете наконец.
Начинаете громко каяться,
Безутешно твердить одно,
Что пришлось с недотелой маяться,
А ведь было других полно...
Если б жизнь начиналась заново,
То Людмила (иду на спор)
Не была бы жена Русланова —
Стал бы мужем ей ЧЕРНОМОР!

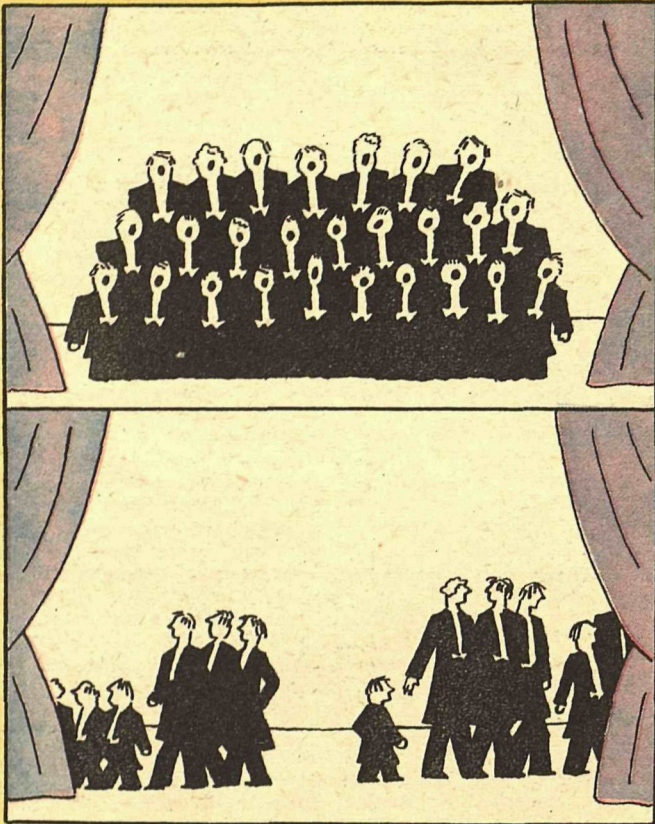

Рисунок Б. ЦЫГАНКОВА, г. Ленинград.

Александр ХОРТ

ЗВЕРСКАЯ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ

НИКОЛАЮ СЛАДКОВУ — АВТОРУ МНОГИХ КНИГ О ПРИРОДЕ

Дятел —
хитрюга

Утром только я начал печатать на пишущей машинке, как вдруг слышу — тук-тук-тук! Это дятел прилетел, понял я, его стук ни с каким другим не спутаешь. Оторвался от машинки, оглянулся, и дятел сразу замер, чтобы я его не обнаружил. А только продолжил печатать, опять дятел застучал своим клювом — тук-тук-тук! Оторвался я от машинки, встал, и дятел снова замолк, будто его и не было. Стал опять печатать, и снова раздаётся знакомое — тук-тук-тук! Не удалось мне его увидеть. А долбил он до тех пор, пока я не допечатал на машинке этот рассказ...

Рыбки
пляски

Рыбки пляски — чудо! Я глядел на них во все глаза. Рыбки узкие, как листики ивы, подпрыгивают высоко. Вылетят стоймя и стоймя же, хвостом вниз, падают. Одна за одной, одна за другой. А я стоял у сковородки и записывал то, что видел...

Задумчивый
разговор

Когда первый разходишь в лес, он кажется безмолвным. Но если иметь способности, можно услышать разные голоса. «Ку-ку!» — это всякий кулик свое болото хвалит. А в ответ раздаётся: «Жу-жу!». Это журавль. Где-то плачет иволга, схоронясь в дупло: «Ив-ив». «Син-син», — вступила в общий гомон синица. Разговаривают мирно, по-дружески. Вот кто-то сзади положил мне лапы на плечи и ласково говорит: «Пум-пум!». Оглядываюсь, а это пума хочет со мной побеседовать — уже и пасть раскрыла...

Любовь

Был у меня знакомый воробей по прозвищу Чик — Рваное ухо. Однажды он по уши влюбился в мою знакомую воробиху по прозвищу Василиса Спиридоновна. Чик трогательно о ней заботился, постоянно приносил ей в клювике мух. Она его за мухи полюбила...

Савелий ЦЫПИН

Рассказы

Светлана ВОЗЛИНСКАЯ

КАКОВ САВВА...

Серебровского занесло в подмосковный музей-усадьбу Абрамцево. Организаторы совещания, в котором он участвовал, в порядке отдыха спланировали туда автобусную экскурсию.

Серебровский обошел усадьбу, некогда принадлежавшую миллионеру-меленату Савве Ивановичу Мамонтову, поглазнул на главный дом конца XVIII — начала XIX века, постоял в столовой, где художник Серов написал портрет хозяйской дочки «Девочка с персиками».

Но больше всего его впечатлила скатерть — плотная синяя скатерть на круглом столе в гостиной. У него дома имелись и похлестче, но эта была испещрена фамилиями разных знаменитых лиц — Репина, Васнецова, Врубеля и множества других. Эти лица запросто приезжали к Мамонтову в гости и расписывались мелом на скатерти, а потом хозяйская дочка Верочка расшивала подписи цветными нитками. Казалось бы, ничего не стоящая мелочь, но хозяину лестно: кто б ни явился в дом, сразу видит, к кому попал. Миллионы миллионеров, а реноме есть реноме...

Вернувшись из командировки, Серебровский первым делом спросил жену: — Вышивать умеешь?

И он выдал ей свою замечательную идею. Они тут же подобрали подходящую бархатную скатерть малинового цвета и набросили ее на полированный стол. Посреди стола поставили хрустальную вазу, а в нее положили брусок мела.

Конечно, Серебровский не рассчитывал, что к нему вдруг ни с того, ни с сего нагрянут с автографами живописцы, композиторы, академики, космонавты или даже какой-нибудь футболист средней ноги. Но...

Через год он справлял юбилей и устроил по сему поводу обширный прием. Апартаменты серебровских гостей не потрясли, хотя были вполне и даже более того, но и у тех имелись не хуже. Даже вязаные шторы под названием макраме. Удар под ложечку гостям, как и ожидалось, нанесла скатерть. Те ходили вокруг нее на цыпочках, как вокруг сокровищ Тутанхамона, и благоговейным шепотом читали фамилии:

— Полковников... Баранцевич... Лавинская...

— А кто это? — наивно спросил приехавший на торжество из провинции шурин юбиляра.

— Ну что вы! — укоризненно произнесла обвешанная янтарем дама. — Полковников — самый модный закройщик, Баранцевич — механик «Автосервиса», Лавинская — из книготорга...

— Глядите-ка, даже Губин... О, сам Мирзоев! — завистливо перешептывались гости.

Хозяин дома нарочито держался в сторонке, но душу его распирало — он чувствовал себя Саввой Ивановичем Мамонтовым нашего времени. Конечно, он не миллионер, но...

г. Харьков.

— ...А познакомились мы с ним, моим мужем, в 78-м году, в очереди за моющимися обоями. Мне он сразу тогда понравился. Во-первых, остроумный. У него очередь 78-я была, так он все шутил, что, дескать, ровесник века. Во-вторых, аккуратный. Отмечались мы по средам, в 19 часов. Так вот, всегда он минута в минуту приходил. В-третьих, добрый. Кто ни спросит, за чем стоим, объясняет. Словом, познакомились, стали встречаться. В театр пошли. У меня очередь за билетами в «Современник» оказалась ближе. Всего-то 2245-я, а у него на Таганку 5894-я. Так что каждый вечер в «Современник» ходили. Отмечаться. Постепенно выяснилось, у кого какие вкусы. Он, оказалось, книги собирает. На подписку Чехова 1687-м стоит. А я кино очень люблю. На неделю итальянского фильма 641-я в списке. В общем, через месяц (как раз, когда моющиеся обои давать стали) подали мы заявление в загс. Близко поставили. Всего

16-е мы были. В первый же месяц после свадьбы записались за билетами на юг. Номер 258. Но так и не собралось... Семья, знаете... Зажили хорошо, весело... Мужа на кооператив в список включили. 5896-м. А пока что мы у его мамы живем. Двухкомнатная. Хорошая и недалеко от метро. Телефона, правда, нет, но номер уже дали: 959-14-94. Да нет, и никакой это не номер телефона, это номер нашей очереди на телефон! Вот... Сынишка у нас растет. Васенька. В детсад записан. Представляете, уже цифры знает! Свой номер 96 может написать. Смешной такой. Живем мы с мужем дружно, не ссоримся. Если отмечаться вечером, он идет, а если утром, — я. Потому что мне к девяти тридцати на работу... Так что все в порядке. Грех жаловаться. Только на этот самый... прихожую «Кипарис» очередь медленно движется. Ну, так что ж?... Ничего не поделаешь... А у вас-то самой какой номер?..

Едва занялся рабочий день, как Самсон Самсонович, новый шеф отдела неслышных резонансов, вызвал к себе мэнэс Тузикова и с выражением спросил:

— Вот вы, молодой человек, чем на сегодняшний день занимаетесь?

Практический итог

— Этим самым,— взволнованно произнес тот и зарделся весь.

Как раз накануне Тузиков закончил научный отчет, уложил его в новенькую папку интригующего цвета, посидел на ней для придания формы и теперь с огромным удовольствием выволил на титульном листе отчета свою фамилию.

— Можно взглянуть?

Тузиков бережно, словно внутри был легко бьющийся материал, транспортировал папку на рабочий стол шефа. Отчет был, как выражались в здешних научных кругах, второго тяжелого веса.

— Интересно,— произнес шеф,— каков практический итог вашей научной работы?— и стал читать.

— Надо бы сократить,— наконец вымолвил он. — Что вы! — замахал руками Тузиков.— Отчет напечатан уже... Знаете, как тяжело у нас напечатать, Самсон Самсонович, одна машинистка на лабораторию — и со всех сторон пишут! А что собственно сокращать?

— Общеизвестные истины... Представляете, если писать в отчетах то, что уже все знают,— это ж папками можно трижды опоясать земной шар! Пусть останутся лишь ваши собственные мысли...

Спустя неделю Тузиков представил новую папку.

— Наполовину сократил! — докладывает.— Спа-

сибо машинистке, выручила, собственные мысли, говорят, печатаем вне очереди. Вручил ей плитку шоколада «Аленка» от лица благодарной науки!

— Взглянем-ка, что получилось...

И новый шеф опять стал читать.

— Много ненужных слов,— резюмирует.— Если

ими заполнять отчеты, то, знаете, земной шар вообще покроется папками...

— Выходит, мне опять сокращать? — чуть не задохнулся Тузиков.

Но шеф неумолим:

— В научном отчете,— заявляет,— должны быть только плодотворные мысли...

Вскоре Тузиков приволок папку — что-то совсем легковесное.

— Настолько сократил,— докладывает,— что машинистка отказалась от «Аленки», за так все напечатала...

А шеф снова за чтение.

— Плодотворное,— говорит,— есть то, что подтверждается фактами. А у вас?

Тузиков тут же сообразил: надо еще сокращать. Вскоре явился с отчетом: всего несколько абзацев.

— За краткость,— говорит,— машинистка уже мне обещала «Аленку»...

— А что, если и эти абзацы сократить? — предлагает шеф.— Поверьте, ничего интересного...

И красным карандашом вычеркивает абзацы.

— Но осталась одна фамилия с инициалами!

А шеф, видно, в азарте уже, поскольку не долго думая, вычеркивает фамилию...

— Да ведь это очень кстати! — обрадовалось руководство.— Нам как раз нужно, согласно разрядке, сократить единицу. Великолепный практический итог!

С. Комиссаренко • Рассказ

Николай
ШУМАКОВ

БОЧКА

Не гром гремит,
Не молнии звенят,
Не ливни
Луг зеленый полосуют...
А просто «катят бочку» на меня,
И хоть она пуста,
Да катят — не впустую.

Стараюсь делать добрые дела,
Но почему-то недругов все больше...
Мне говорят: «Работать надо тоньше.
Что доброта твоя тебе дала!».

Смотри, как процветает твой сосед —
Недавно побывал на знойной Кубе...
Его все уважают и все любят,
Хоть и не добр, не мудр он и не сед.

Ты лучше ручки дамам лобызай
И говори им

мило комплименты.

Всегда лови удобные моменты —
По части обаяния дерзай.

Улыбкой очаровывай людей
И мысли предугадывай начальства,
И правду говори в глаза нечасто,
И новых не высказывай идей.

Живи как бы в нейтральной полосе
И никогда вперед не выдвигайся.
Не зажигай других и сам

не загорайся...
Тогда тобой довольны будут все».

Из крокодильских мемуаров

Марк
ВАЙСБОРД

Леонид Утесов в «Крокодиле»

Страна готовилась отметить столетие со дня смерти Н. В. Гоголя. Крокодилы, естественно, не могли стоять в стороне от этого события. Готовились специальные номера журнала, посвященные этой дате. Планировался рассказ... Л. О. Утесова. Дело в том, что прославленный артист в это время не работал со своим оркестром, а играл в театре и писал (впрочем, как и до и после этого!) рассказы.

Когда Леонид Осипович узнал, что его рассказ («Письмо Гоголю») сдан в набор и будет напечатан, он спросил:

— Сколько мне это будет стоить?

— Что вы, Леонид Осипович, вы еще получите за рассказ гонорар,— сказал кто-то.

— Неужели? А я сказал жене, что

мне эта затея влетит в копейку! Значит, можно будет «зажать»!

— А вот эти молодые люди будут вас иллюстрировать! — сказал, указывая на Ю. Федорова и Е. Щеглова, присутствовавший при разговоре художник В. Коновалов.

— Мой рассказ? Иллюстрировать? Так я скажу, что мне пришлось уплатить еще и художникам! — с неповторимым утесовским смехом воскликнул Леонид Осипович, а потом, как бы оправдываясь, сказал:

— Я пошутил! Дело вообще не в гонораре, а просто очень люблю этого писателя и рад хоть как-то отметить его юбилей!

Впрочем, все это давно уже поняли и подыгрывали актеру в его маленькой интермедии.

Палец в рот не клади

Журналисты — народ глазастый. Журналист-сатирик тем более. Ничто не должно ускользнуть от его взгляда. Любая, казалась бы, мелочь берется на заметку, обыгрывается и так и эдак: порой для журнала, а часто, так сказать, для «внутреннего употребления».

Долгое время успешно работал в «Крокодиле» известный поэт-сатирик Сергей Александрович Васильев. Его эпиграммы и пародии пользовались особым успехом у читателей журнала.

Но в писательской практике бывает всякое. Успех успехом,

а в номер идет не все написанное. «Не идет» по разным причинам. В таких случаях рукопись возвращается...

Однажды Сергей Александрович появился в редакции с перевязанным пальцем. Может, обрезался. Может, поцарапался. Ну, в общем, пустяк.

Но и это не прошло незамеченным.

— Сережа, что у вас с пальцем?

— Ничего особенного! — вступил в разговор секретарь редакции Ефим Весенин, возвращая рукопись поэту.— Просто он попал пальцем в небо!

ЕСЛИ БЫТЬ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫМ...

Киевское издательство «Веселка» выпустило в свет сказку братьев Гримм «Красная шапочка». Все вроде бы хорошо, и украинская детвора получит возможность прочитать на родном языке это славное произведение о «маленькой славной девочке»...

Но раздался чей-то трезвый голос:

— Приглядитесь-ка, эти братья заставляют маму Красной шапочки антипедагогично говорить: «Вот тебе пирог, фляжка вина, отнеси бабушке». Ничего себе, хороша «домашняя аптечка» для хворой старушки! И это вместо того, чтобы принести ей какие-нибудь целебные витамины...

Испуганные редакторы «Веселки» поспешно сделали в тексте классической сказки благонамеренное исправление: в последующем издании «вино» превратилось в «сок». Словом, стало и невинно и витаминно.

Итак, издательство с честью отстояло свою репутацию борца с пьянством среди Красных шапочек и их бабушек. Но успокаиваться рано. Нам сдается, что пора бы взяться за искоренение этого пережитка прошлого и из других сказочных произведений. Начать со сказки про Ивана-царевича и Марфу-царевну — какой здесь непочтатый край работы! Ведь этот на первый взгляд положительный фольклорный персонаж потреблял зелено вино ведрами, якобы черпая в нем силу для поединка со Змеем Горынычем. Разумеется, вино из сказки следует вылить, а ведра до краев наполнить кефиром. Традиционную сказочную концовку «Я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало» дать в таком перестраховочном виде: «Я на том пиру был, боржомом пил...» и т. д.

Если уж быть во всем последовательным.

В. ЛАВРЕШИНА.

Сергей ЗИНЧУК

КАК ТРУДНО БЫТЬ СИЗИФОМ

Ах, как давно уже обитатели Белого дома, а заодно и Капитолийского холма мечтают о славе неутомимых борцов за мир и защитников малых стран! Должны же в конце концов все на свете уяснить себе, что США — самая миролюбивая страна за всю историю человечества. Обидно ведь, что находятся еще люди, которые упорно не желают замечать столь очевидный факт...

Правда — вот уж незадача! — есть небольшая, маленькая такая загвоздка, ну, совсем крошечная, которая мешает Вашингтону предстать перед общественным мнением в беспорочном голубином одеянии: народы мира слышат медовые речи американских эмиссаров, табунами кочующих по разным странам, а видят... А видят они свыше двух с половиной тысяч военных баз Пентагона на территории 114 государств, узнают об астрономическом военном бюджете США, о создании «сил быстрого развертывания», нейтронном оружии. Аудитория в смятении: чему же верить? Зачем такой миролюбивой державе все эти милитаристские атрибуты?

И тут на память приходит в своих изношенных сандалиях бедолага Сизиф. Не похожа ли тяжкая работа американских пропагандистов на труд мифологического атлета? В течение долгих лет одна за другой американские администрации упорно катят в гору Сизифов камень пропаганды... Вот уже, кажется, вершина близко, еще чуть-чуть, и народы мира поверят в «миролю-

бие» США, но камень наталкивается на крутой выступ реальности, срывается и с оглушительным грохотом катится вниз.

Чтобы не растекаться мыслями по земному шару, обратим сегодня свои взоры хотя бы на азиатский регион.

Насчет Японии тут все вроде бы ясно — 140 баз и других военных объектов Пентагона и 50 тысяч американских солдат на ее территории, разумеется, нужны для спасения японцев все от той же «советской угрозы». Если Советский Союз рядом, значит, угрожает, — вывод механический, обсуждению не подлежит. Ну, а американские базы Субик и Кларк на Филиппинах, за тридевять земель от «советской угрозы», — эти для чего? А для противостояния гегемонизму... нет-нет, теперь уже не Китая, а, ну, скажем, Вьетнама. Да, именно Вьетнам, утверждают многие американские политики, угрожает спокойствию в Азии и вообще хочет захватить все соседние государства, а заодно, может быть, и Австралию. На этот случай в Австралии тоже немало «оборонных» объектов США.

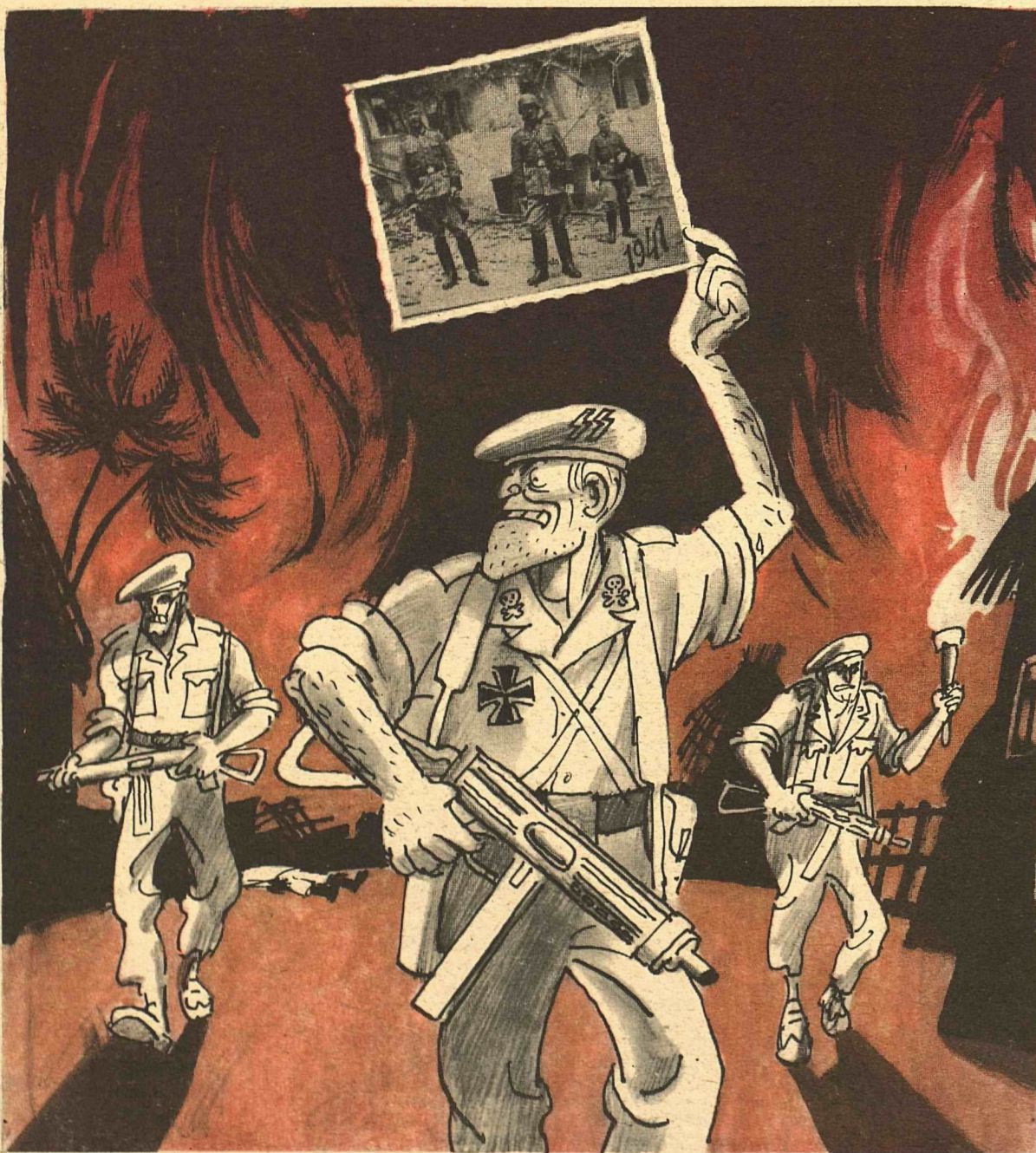
«А как же быть с Южной Кореей?» — задумались в Вашингтоне. Раньше хоть можно было погугать Китаем, так теперь нельзя: чуть ли не лучшим другом стал Пекин, обожает его американская администрация, сближают их общие интересы. Так что трогать Китай не моги, это теперь табу...

— Да-а, задача, — вздыхали в пропагандистских ведомствах Соединенных Штатов. И вдруг — о великая радость! Выход найден да еще какой — пальчики оближешь! Прямо шедевр! В роли спасителя выступил журнал «Форин афферс». Если верить журналу, американские войска в Южной Корее — это один из факторов, препятствующих Южной Корее создать собственное ядерное оружие. Во как!

Поистине блистательный выход! А уж дальше и совсем все просто: 40 тысяч американских военнослужащих — это вроде бы наблюдатели. Они следят, чтобы где-нибудь в захудалом сарайчике на задворках Сеула какие-нибудь жуткие злоумышленники не собрали атомный заряд. Мимоходом американские войска участвуют в подавлении выступлений народных масс, но это так, между прочим.

Но что случилось? Кажется, создали шедевр пропаганды, а камень-то не летит на вершину, будь он неладен! Опять повсюду антиамериканские демонстрации, манифестации, марши памяти жертв Хиросимы. И вот уже пропагандистский камень пятится вниз, отдавливая ноги его толкачу.

Ох, и тяжка же ты, доля пропагандистского Сизифа...

«КРЕСТОНОСЦЫ».

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Я. МАЛЫКИН.

32-й специальный батальон южноафриканских войск «Буффало» лихорадочно готовится к смуту. Пожилой наемник из ФРГ, высунув язык, драит сапоги. К нему бросается сержант.

— Идиот! Тебе для чего дана эта мазь? Мажь физиономию!

— Да чтобы я, представитель нордической расы, штурмбанфюрер эсэсовской дивизии «Мертвая голова», уподобился этим чернома...

— Слушай ты, представитель! Деньги получил? Ну так мажь, а не то — ауфвидерзеен. Понял?

И бывший штурмбанфюрер, чертыхаясь, зачерпывает черную мазь и принимается за камуфлирование своей нордической физиономии, дабы сойти за борца из местного населения.

— А ты кто такой?

— Так что разрешите доложить, Пабло-Мария-Хосе Гонсалес...

— Тсс! Тихо! Чего орешь, ты же не на стадионе в Сантьяго. Что это у тебя торчит из кармана? А ну-ка давай. Кто этот тип в очках?

— Это фото нашего любимого вождя Пиночета, с личной надписью мне, — высокомерно говорит Гонсалес.

В это время раздается команда:

— Становись! Батальон, смирно! Сейчас к вам обратится генерал-майор Ллойд, командующий войсками ЮАР в Намибии.

— Здорово, солдаты свободы!

Восторженный рев из рядов. Крики «Зиг хайль!».

— Я счастлив приветствовать вас на земле Намибии, откуда мы с вашей помощью усмирим всю Африку. Вы, благородные люди, пришли к нам защищать права белого человека. Я вижу мистера Джона Гриффитса, который ради нашего общего дела оставил на время в покое лондонские сейфы. Рядом с ним наш славный камрад Гюнтер Диц, накопивший еще сорок лет назад в России ценный опыт отрыва от наступающего противника. А вот представитель ку-клукс-клана, магистр Джим, богатый опыт которого по усмирению американских негров мы так высоко ценим. Герои-воины! Вам предстоит очередной налет на партизан. Дружище Пит, покажи, как нужно орудовать с напалмом, вспомни, черт побери, вьетнамские денечки! Мистеры, герры и сеньоры! Вы получаете хорошие деньги, можно сказать, профессорскую ставку, ее надо отработать. Вопросы есть? Что?! Громче, пожалуйста. А, ясно. Могу вам сообщить, что ни в боеприпасах, ни в оружии у нас благодаря нашим вашингтонским, лондонским и другим натовским друзьям недостатка нет. Так что вперед, в бой за Африку, свободную от... хм, хм... красных черных!

МИСТЕР 1069

Американец Герберт Денглер, человек осведомленный, давно уже не сомневался, что для налогового управления, Федерального статистического ведомства, местного банка и, разумеется, для ФБР и ЦРУ никакой он не Герберт и вовсе не Денглер, а набор цифр. В каждом ведомстве он закодирован на перфокартах и магнитных лентах. Так чего там, к черту, лицемерить и прикидываться каким-то Гербертом Денглером! «Мы живем в обществе, где человек рассматривается как простой номер, — рассудил Денглер, — поэтому я хочу называться мистер Тысяча шестьдесят девять».

В адресном столе пришли в замешательство, запросили начальство. В конце концов Денглеру отказали. Начался изнурительный спор между Денглером и властями штата Миннесота. В итоге, как сообщил журнал «Панорама», федеральный суд постановил: мистер 1069 продолжает именоваться Гербертом Денглером.

Мы предполагаем, что суд отнюдь не обеспокоился сохранностью доброго имени Герберта Денглера. Плевать ему на какое-то там имя в конце концов. А дело, вернее всего, в том, что нельзя вносить сумятицу в цифры и коды ФБР, ЦРУ и банков, где бедняга Денглер значится совсем под другими цифрами!

И. ПОДОЛЯНОК.

Британская авиакомпания «Бритиш Эйрвэйз» уволила несколько тысяч своих служащих.

ДЕСАНТ «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ».

Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ.

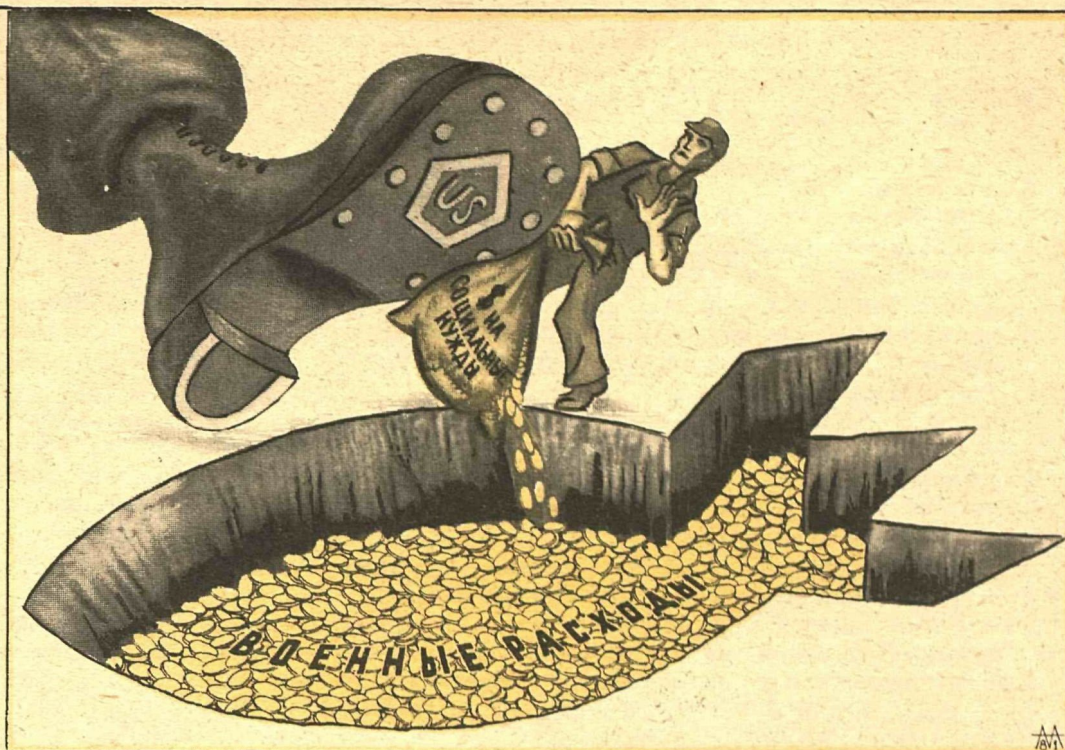

Рисунок А. АНДРЕЕВА.

вооружения! Уж наверняка такое, что мы, земляне, все равно бы не поняли... Вот только это и утешает.

Гнев, о богиня,
воспой...

АФИНЫ. Победу на парламентских выборах уверенно одержали демократические силы Греции. В избирательной кампании активное участие приняла... солдатня с американских баз. Воспламенив себя изрядными дозами спиртного, янки с непристойными воплями громили помещения предвыборных центров левых партий, открывали пальбу на улицах, избивали и грабили жителей, срывали со стен домов греческие флаги... Замысел командования сводился к тому, чтобы этим силовым давлением запугать греков, развеять их надежды на избавление страны от ига Североатлантического блока.

Расчет не оправдался. Разгневанные сыны Эллады решительно проголосовали против натовского засилья. «Большая американская дубинка» и на сей раз оказалась палкой о двух концах.

Что они
сказали бы...

ВАШИНГТОН. В полночь 30 сентября администрация США прекратила выполнение программы «Исследование внеземных цивилизаций» — была отключена аппаратура для прослушивания космических радиосигналов. Цель программы, по словам агентства АП, состояла в том, чтобы «определить, есть ли во Вселенной мыслящие существа». Жаль, конечно, что шестилетние усилия американских ученых выйти на связь с инопланетянами пошли прахом. Хотя, с другой стороны, представим себе, что сказали бы мыслящие существа с других галактик, если б узнали, что жалкая экономика на этих исследованиях потребовалась для увеличения и без того астрономических расходов на

Н. ЭНТЕЛИС

**НЕ
КРАСНЕЕТ**

Министр по вопросам окружающей среды Великобритании Майкл Хизлтайн потребовал срочно перекрасить черепичную крышу штаб-квартиры одного из профсоюзов в г. Таунтон на том основании, что она... слишком красная.

Красная?
Внесли немедля ясность:
Это значит —
«Красная опасность».
Сделать желтой!..
Славный патриот
Не под желтой крышей ли
Живет?

ЭТО МЫ НЕ ПРОХОДИЛИ

Знаете ли вы, что...

— в то время, как в Москве садятся обедать, где-нибудь во Владивостоке ложатся спать?

— Знаем, знаем! — уже слышится дружный хор просвещенных читателей. — Это мы еще в школе проходили. На территории нашей страны аж целых одиннадцать часовых поясов, так что ничего тут удивительного нету. Страна большая, а Земля, как известно, вертится.

Ну ладно, допустим. А знаете ли вы, что...

— все железные дороги Советского Союза работают по московскому времени?

Тоже знаете? Это ж надо! А как вы думаете, знает ли об этом Министерство путей сообщения?

А? То-то. Этого вы не знаете. А мы знаем. Но прежде чем проходить новый материал, давайте повторим пройденное.

В № 2 «Крокодила» за нынешний год был напечатан фельетон Ю. Борина «Посиделки селекторные». В нем говорилось о многочасовых ежедневных селекторных совещаниях, которые проводят руководители МПС с начальниками дорог, отделений и служб от Москвы до самых до окраин.

На фельетон ответил заместитель министра путей сообщения Ф. Шулешко, который совершенно справедливо указал, что селекционная связь служит Министерству путей сообщения для того, чтобы оперативно руководить перевозочным процессом. И в этом процессе участвуют 32 железные дороги, 186 отделений дорог и свыше 11 тысяч станций.

Тем не менее, «учитывая критические замечания», — писал тов. Шулешко, — министерством приняты меры к более рациональному использованию этой связи».

Итак, критика услышана, меры приняты, следует ждать результатов.

А вот перед нами письмо читателя Б. Барановского, живущего на Дальнем Востоке.

Инженер Барановский работает в Уссурийском отделении Дальневосточной железной дороги и хорошо осведомлен о мерах, которые приняты руководством МПС. Он скрупулезно подсчитал, сколько и каких совещаний проводится по селектору руководителями министерства. Статистика свидетельствует, что число и длительность совещаний не уменьшились.

Попутно тов. Барановский сообщает кое-что новенькое. Оказывается, совещания, которые проводят заместители министра гг. Ф. Шулешко, В. Гинько, Б. Морозов, С. Пашинин и другие руководящие работники МПС, стали начинаться, как правило, в 12, 13 и 14 часов московского времени. То есть, тогда, когда в Уссурийске уже 19, 20 и 21 час. Иными словами, когда пора кончать работу и идти к семейному очагу. А бывает и так, что селектор начинает сзывать людей в 19 часов по столичному времени, что соответствует двум часам по местному, так что дальневосточникам и вовсе уже некогда спать, поскольку к восьми часам (не по московскому, а по местному!) им уже нужно находиться на трудовом посту и управлять тем самым перевозочным процессом, о котором печется руководство МПС.

И еще новшества введены после фельетона. Во-первых, в некоторых управлениях дорог стало не по одной, а по две селекторные студии. Во-вторых, если раньше к селектору приглашались различные должностные лица телеграфно, то теперь телеграмм стало намного меньше, зато устных вызовов по тому же селектору намного больше. Возможно, именно эти меры имел в виду заместитель министра путей сообщения?

Ну, вот и все. Теперь для закрепления материала зададим на дом два вопроса, которые в прежнем фельетоне не задавались:

а) знает ли МПС о разнице во времени между различными регионами нашей страны?

б) могут ли рассчитывать редакция и читатели на то, что вместо отписок из МПС будет прислано деловое сообщение о конкретных и действенных мерах для решительного сокращения заседательской суетни, которое (сокращение) несомненно послужит делу улучшения управления перевозочным процессом?

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ПОДТЯНУЛИСЬ ВРЕМЯ

Факты, изложенные в фельетоне Ю. Борина и Н. Малова «В поисках степных кораблей» (№ 23, 1981 г.), действительно имели место.

На расширенном заседании бюро РК КПСС с приглашением специалистов райсельхозуправления, «Сельхозтехники», руководителей, секретарей парткомов, главных агрономов и инженеров хозяйств были вскрыты причины неорганизованного начала уборки урожая, несвоевременной подготовки к работе уборочной техники, низкого темпа косовицы хлебов.

Партийным комитетам было рекомендовано разработать дополнительные меры по высокопроизводительному использованию техники. В результате своевременно принятых мер район успешно завершил уборку и получил зерновых [без учета кукурузы и сорго] по 27,7 центнера с гектара.

И. НАЗАРОВ,
первый секретарь
Зерноградского РК КПСС
Ростовской области.

МАЛЫВКА ТОЖЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ

Читатель А. Щетинин дважды писал в Пензенский облисполком, что Земетчинский сахарный завод своими отходами душит рыбу в реке Раевке. И дважды получал в ответ успокоительные заверения, что исполком принимает срочные меры для спасения рыбы. Но недаром заметка, написанная на основе письма А. Щетинина, называлась «Но, увы, граждане!». Рыбу по-прежнему методично душили (см. № 9, 1981 г.).

На критику — уже крокодильскую — теперь отвечает заместитель председателя Пензенского облисполкома А. Глушенков. Действитель-

но, сообщает он, из-за нарушения правил эксплуатации очистных сооружений на Земетчинском сахарном заводе долгое время продолжался спуск промышленных отходов в реку. За это руководители завода были оштрафованы. Кроме того, приказом по Приволжскому производственному объединению сахарной промышленности директору предприятия Н. Балабанову объявлен выговор.

На заводе сейчас разработан ряд эффективных мероприятий по охране окружающей среды. Вода, используемая перед спуском в реку, будет проходить очистку и охлаждение.

Что касается должностных лиц, отвечающих на жалобы А. Щетинина, то им — в частности, секретарю облисполкома М. Белозубову, заведующему общим отделом И. Рамжаеву и председателю Земетчинского райисполкома В. Котову — указано на необходимость более тщательного контроля за выполнением решений по письмам трудящихся.

НЕ УДАЛОСЬ ПОЖИВИТЬСЯ

Цветы, марш Мендельсона, два золотых колечка на блюде, ослепительная и счастливая пара сочетающихся браком... Ах, свадьба! Кого не остановит, чей взгляд не привлечет это торжественное зрелище!

Обряд бракосочетания как таковой особо заинтересовал председателя Мечнянского сельсовета Ефремовского района Тульской области З. Козлову и секретаря того же сельсовета Т. Хаеву. А точнее, их привлекла возможность присваивать при регистрации браков разницу между новой и старой стоимостью обручальных колец. С той же целью Т. Хаева провела фиктивную запись о браке. Тем не менее Ефремовский РОВД не увидел оснований для возбуждения уголовного дела, материалы на Т. Хаеву были переданы в товарищеский суд.

Об этом и рассказывалось в фельетоне

Э. Образцова «Брак по-мечнянски» (№ 19, 1981 г.).

После опубликования фельетона прокуратура Тульской области отменила решение Ефремовского РОВД. Против Т. Хаевой и З. Козловой возбуждено уголовное дело. Об этом сообщил редакции заместитель прокурора области А. Кашин.

ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ

В заметке «Игрушка заводная, кусачая» (№ 23, 1981 г.) рассказывалось о том, как сын нашего читателя А. Струченко порезал себе палец о зазубрины «Трактора заводного», сделанного на Киевском экспериментально-механическом заводе игрушек.

Еще до публикации заметки редакция переслала его письмо руководителям завода. Начальник ОТК В. Одинец ответил, что «Трактор заводной» выпускается уже двадцать лет, и туманно пообещал, что, мол, в ближайшем будущем игрушка будет снята с производства. А все претензии завидным пасом «отфутболил» в конструкторский отдел завода.

Двадцать дней спустя после опубликования заметки Крокодил получил уже более серьезное и обстоятельное письмо, подписанное директором завода В. Якушем, секретарем партбюро В. Кобеньком и председателем завкома В. Новотарским:

«Заметка обсуждена на заседании партийного бюро, в котором приняли участие руководители завода, работники технических служб, ОТК, цехов и участков. Разработаны меры по улучшению конструкции трактора и других изделий, имеющих аналогичные недостатки. Начальнику ОТК В. Одинцу партбюро объявило выговор.

Руководство и партбюро завода обязали начальника планово-производственного отдела А. Миненко усилить контроль за качеством продукции».

Отклик
и реплика

В том же ритме

В фельетоне «История одной шоколадки» (№ 22, 1981 г.) рассказывалось о пикантной начинке — пластмассовом медиаторе, попавшем в шоколад «Аврора» — продукцию кондитерской фабрики имени П. А. Бабаева.

На фельетон откликнулся начальник Роскондитерпрома Б. Гонтарь. Он сообщил, что коллектив фабрики приносит свои извинения покупателю В. Миленину и редакции журнала за ранее отправленный ответ, в котором совершенно отрицается вероятность «проникновения посторонних предметов» в шоколад. Сотрудники, принимавшие участие в подготовке ответа, наказаны в дисциплинарном порядке. На всех производственных участках усилен контроль за соблюдением технологических процессов.

Ну, решили мы, после таких радикальных мер никаких казусов с кондитерской продукцией не будет. И вдруг в редакцию явилась москвичка Л. Борисова. Она рассказала, что именно в тот день, когда она читала фельетон, безмятежно посасывая конфетку «Ритм» этой же фабрики, зубы ее обо что-то заскрежетали. Л. Борисова обнаружила в конфете «начинку»: железку сложной конфигурации. «Конечно, — подумала пострадавшая, — железо полезно для здоровья. Но не слишком ли его много для одной конфеты!»

Остается думать, что конфета была выпущена еще до того, как на всех производственных участках был усилен контроль за соблюдением технологических процессов.

А подать сюда
Ляпкина-Тяпкина!

Играй, мой баян!

Рассказывают, будто в электричках тульского направления ездит странного вида мужчина, оборванный, небритый, с баяном, и выманивает у пассажиров деньги.

И якобы происходит это следующим образом. Где-то недалеко от Серпухова в тамбуре одного из вагонов неожиданно начинает звучать жалостливая музыка. Потом возникает и сам обладатель инструмента: у него один глаз, одна нога и один зуб. Внешний вид его уже пробуждает скорбные чувства. А тут еще колдовство музыки — мужик разворачивает мехи баяна и принимается петь осипшим тенором:

— А вот я перед вами, несчастный человек... Жена меня бросила, дети от меня отказались... В этом месте певец со свистом вздыхает. — А все у меня в жизни сперва хорошо было, ой, хорошо... Учился я на одной пятерки в Усть-Каменогорском музыкаль-

ном училище да играл на этом нехитром баянишке... А потом как пошло, как поехало одно к одному... Решил я купить себе концертный баян, красивый да ладный... И заключило мое училище договор-заказ с тульским объединением по изготовлению музыкальных инструментов, ой, да «Мелодия». А случилось это в январе семьдесят шестого года, срок же изготовления был указан — конец семьдесят седьмого... Тут из глаз мужика начинают бежать всамделишные слезы, и многие пассажиры, глядя на него, достают носовые платки. — Но прошел означенный срок, а за ним и ишло два года, а от тульских мастеров ни ответа, ни привета... Ой-ей-ей, горе горькое!.. Собрал я тогда скромные пожитки, с женой-детьми простился да поехал в Москву, в Министерство культуры РСФСР... Ну, а там люди добрые послали меня аккуратно подальше — то есть в Тулу, привезти подтверждение, что заказ действительно был... Но в объединении мне также дали от ворот поворот. Начальник отдела сбыта заявил, что тридцатого декабря ишло семьдесят седьмого года был мне послан вызов за номером две тыщи пятьсот семьдесят четыре. А я за струментом, дескать, не явился по неизвестной причине... Охо-хо!.. Подайте, люди добрые, на пропитание!..

На самом же деле этот таинственный мужичонка — просто обманщик и прохиндей. Более того, он самозванец. Ибо нам доподлинно известно, что вся история, о которой он с невероятной тоской распевает в вагонах, случилась не с ним, а с нашим читателем, студентом Алтайского института культуры Анатолием Туровским. Это он шестой год не может получить заказанный инструмент, безуспешно наезжая в Москву и Тулу. Очевидно, когда-то в одной из электричек он и рассказал кому-то в сердцах о своих злоключениях. А хитрый процелыга воспользовался... Что ж, история действительно скорбная, из кого хочешь слезу вышибет!..

Мих. КАЗОВСКИЙ.

Акуля, что шьешь не оттуля?

Жительница г. Смоленска Орлова как-то приходит в мебельный магазин и видит: продается великолепный диван-кровать «Вологда» такого, знаете, ярко-красного цвета и со Знаком качества. Вот этот знак и решил дело.

Покупает она «Вологду», а дома начинается морока. Во-первых, для сборки по инструкции нужны инструменты: ключ, отвертка-звездочка (которую и в магазине не всегда найдешь), шило (причем канцелярское не годится), молоток. А где все это взять?

Ну, допустим, на то есть соседи. Однако что куда прикреплять, совершенно неясно, то есть из инструкции это ясно, но практически ничего не выходит.

Приходится опять же приглашать, кроме соседок-консультанток, еще технически подкованных людей: двух инженеров — из того подъезда и из этого подъезда.

Инженер, что из того подъезда, говорит: — Эти колесики должны крепиться снизу, они там обычно находятся. Но внизу прибит картон, и на нем колесики держаться не будут.

Консультанты-общественницы, а проще говоря, технически подкованные соседки, гово-

рят, что поскольку на кровати не ездить, то, может, ничего?

Инженер, что из этого подъезда, несколько раздраженно замечает:

— Дефективному понятно, что это кровать,

а не автомобиль. Но есть такая наука — сопротивление материалов, или, короче, сопромат, — так она утверждает, что от картона кроватьные колесики отваливаются.

Дальнейшая сборка натывается на новые препятствия. Одну полированную стенку еще можно крепить, но с другой стороны планки оторваны и крепить стенку не к чему...

А вскоре консультанты-общественницы заметили, что углы кровати из красного праздничного материала прошиты черными нитками по два сантиметра каждый стежок. И тут, будучи уже в своей стихии, одна женщина образно сказала:

— Это шила Акуля, что шьет не оттуля...

И все же конец у этой истории оптимистический. Пришел товаровед из мебельного магазина и забрал эту «Вологду» как брак.

С раздумьем смотрели наши сборщики на адрес завода-изготовителя, который выглядел так:

«Боровичи Новгородской области,
ул. С. Перовской, 32».

И одна из них сказала, что Знак качества — это символ, который нужно уважать. А если выпускать брак, то лучше это делать тихо, скромно, как обычно. Без лишней рекламы.

А. Н.

Очевидное —
невероятное

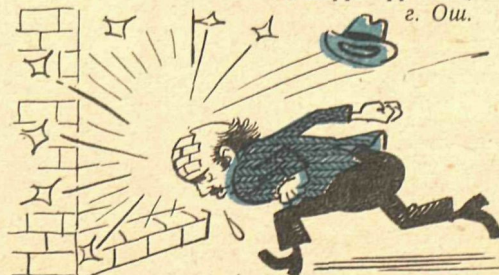
Уж если не везет...

Сейчас часто жалуются на качество строительства. Дескать, халтурно возводят сооружения, так что иной раз страшно в них заходить. Но я вот прочитал в «Крокодиле» (№ 15) о «Самых неудачных неудачах в мире» и считаю, что все зависит от везения. Можно построить крепко, добротно, а потом с этим зданием еще хуже наладиться.

В связи с этим рассказу любопытный эпизод, который произошел четыре года назад в тресте «Ошсельстрой». В его ведении находилась растворный узел, который, к сожалению, не работал и одного часа, потому что возникли как раз опасения, что стены не выдержат вибраций и могут обрушиться. Ну, коли так, то внутреннее оборудование быстренько порезали на металлолом, а вот со стенами вышла небольшая загвоздка. Этот узел величиной с двухэтажный домик зацепили тросом и хотели без долгих проволочек дернуть трактором. Но не тут-то было! Ни один кирпич даже не шелохнулся. Тогда за дело взялся бульдозер — зацепил дом тросом, но трос тут же оборвался. Лопнул и двойной трос. Пришлось разбирать по кирпичику. Копались три месяца.

Вот и интересно: рассыпались бы такие стены от вибрации или нет? Хотя уж если не везет...

И. БАДЕРТДИНОВ,
г. Ош.

«В Конструкторском бюро состоялось очередное общее собрание нарушителей трудовой дисциплины и общественного порядка по итогам четвертого квартала минувшего года и за январь текущего».

Многотиражная газета
«За прогресс», г. Пермь.

«Автомобилист» в первой встрече обыграл «Трудовые резервы» со счетом 4:4».

Газета «Красное знамя»,
г. Нефтекамск.

«Сандалеты для лета Благодаря перфорации они хорошо пропускают воздух. Их украшают — высокий каблук (40 см), декоративный рант».

«Рекламное приложение» к газете «Вечерний Минск».

«В летний период щука чаще попадает на тех водоемах, где ее много».

Газета «Советская молодежь»,
г. Рига.

«Минск. Общая длина трамвая и троллейбуса достигла в городе 645 км».

Многотиражная газета
«Вперед»
трамвайно-троллейбусного
производственного
управления,
г. Волгоград.

«Докладная
Прошу приобрести 12 будильников для наших сторожей».

Прислал И. Савельев,
г. Ахтубинск.

«Свою первую пьесу Шоу написал в 36 лет. Потом он пишет их десятки. «Дома вдовца», «Профессия миссис Уоррен», «Кандида», «Пигмалион», «Майор Барбара», «Тележка с яблоками», «Дом, где разбиваются сердца» — эпиграфом ко всем этим произведениям можно было бы поставить название еще одной пьесы Шоу — «Плохо, но правда».

[Из отрывного календаря].
Прислал И. Андреев,
г. Тула.

«У мужчин в забеге на 800 метров первой пересекла линию финиша учащаяся второго курса финансово-экономического техникума первокурсница Ирина Ильященко».

Газета
«Целиноградская правда».

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

О. ГЕНРИ

ЗАПИСКИ ЖЕЛТОГО КОБЕЛЯ

Вряд ли у кого из читателей вашей людской породы мозги колом встанут: дескать, как это так — животное, а пишет. Мистер Киплинг и разные прочие просветили вас насчет факта, что животные запросто и за сходную цену изъясняются по-английски, и ни один журнал теперь не выходит без звериного рассказа, кроме разве тех замшелых ежемесячников, которые до сих пор пробаваются портретами конгрессмена У. Брайана и снежного человека из штата Вермонт.

Только не ждите от меня эдакой литературы в том духе, как беседуют в книгах джунглей медведь Мэйдунд, удав У. Дэйв и тигр У. Оллстритт. Я простой желтый кобель, жил покамест почти безвылазно в дешевой нью-йоркской квартире, спал в углу на старой хозяйкиной нижней юбке (она ее, изволите видеть, залила портвейном на банкете у леди Лоудочникс) и на такие хитрые речи, извиняюсь, не мастак.

Родился я желтым щенком: дата, место рождения, родословная и вес неизвестны. Первое, что помню, — это как меня несут в корзинке по Бродвею и на углу Двадцать третьей стрит всучивают какой-то жирной тетке. Старая мамаша Хаббард заверяла ее, что я бью все рекорды, как я есть преподлинный Померанский Рысистый Рыжеирландистый Кохинхинультражелтый фокстерьер. Толстуха отыскала пятерку, которая пряталась у нее в сумке среди краденых образчиков плотного шелка, и сделала ценное приобретение. Так вот я и стал собачуркой, мамочкиной кисушкой-ненаглядушкой. Представь-ка, любезный читатель, что тебя хватает на руки двухсотфунтовая бабища, благоухающая камамбером и пад'спанской одеколонью; хватает, возит по тебе носом и приговаривает нараспев грудным сопрано: «О-о-о, кто-о у нас лапушка-цыпушка-милушка-солнышко-ластуха-песынька?»

Псевдопородистый желтый щенок превратился в непонятного желтого пашенка, с виду — помесь ангорского кота с ящиком лимонов. Но хозяйке моей это было нипочем. Она считала, что те собаки, которых Ной прихватил с собой в ковчег, — всего-навсего мои захудалые родственники, боковая ветвь. Она чуть не прорвалась мимо двух дюжих полицейских в Мэдисон сквер-гарден, где я должен был затмить и превзойти призовых сибирских волкодавов.

Скажу про квартиру. Дом был обыкновенный нью-йоркский: вестибюль вымощен паросским мрамором,

Кто такой О. Генри (1862—1910), объяснять не приходится. Можно лишь напомнить, что О. Генри — это псевдоним замечательного американского писателя-юмориста, а настоящее имя его — Вильям Сидней Портер. Откуда же взялся псевдоним? Из старой ковбойской песни, где есть такие слова: «Скажи мне, о, Генри, какой приговор?». Вместо запятой В. С. Портер поставил точку, и получилось — О. Генри.

Свою первую книгу писатель назвал «Четыре миллиона». Тогда говорили, что Нью-Йорк — это, в сущности, четыреста богатых и влиятельных семей. «Нет», — сказал О. Генри, — Нью-Йорк — это четыре миллиона его жителей. Это те миллионы, которые живут на гроши, люди, которые думают о завтрашнем дне с тревогой. О. Генри очень любил Нью-Йорк миллионов, и когда его однажды спросили, почему он не живет за городом, писатель ответил: «Там очень шумно». «Как это шумно?» «Птицы поют, коровы мычат, мешают сосредоточиться». И он работал в гари и грохоте огромного города, шум которого, как морской прибой, он слышал и не слышал.

О. Генри обратил внимание и на тех обитателей Нью-Йорка, которых неизменно сопровождают четвероногие. И написал «Мемуары рыжего пса». После первого, неполного и неточного перевода, сделанного более полувека назад, этот рассказ у нас не издавался. Теперь в новом переводе и под правильным названием рассказ вошел в сборник «Городских» рассказов О. Генри, выпущенный издательством «Московский рабочий».

Д. УРНОВ.

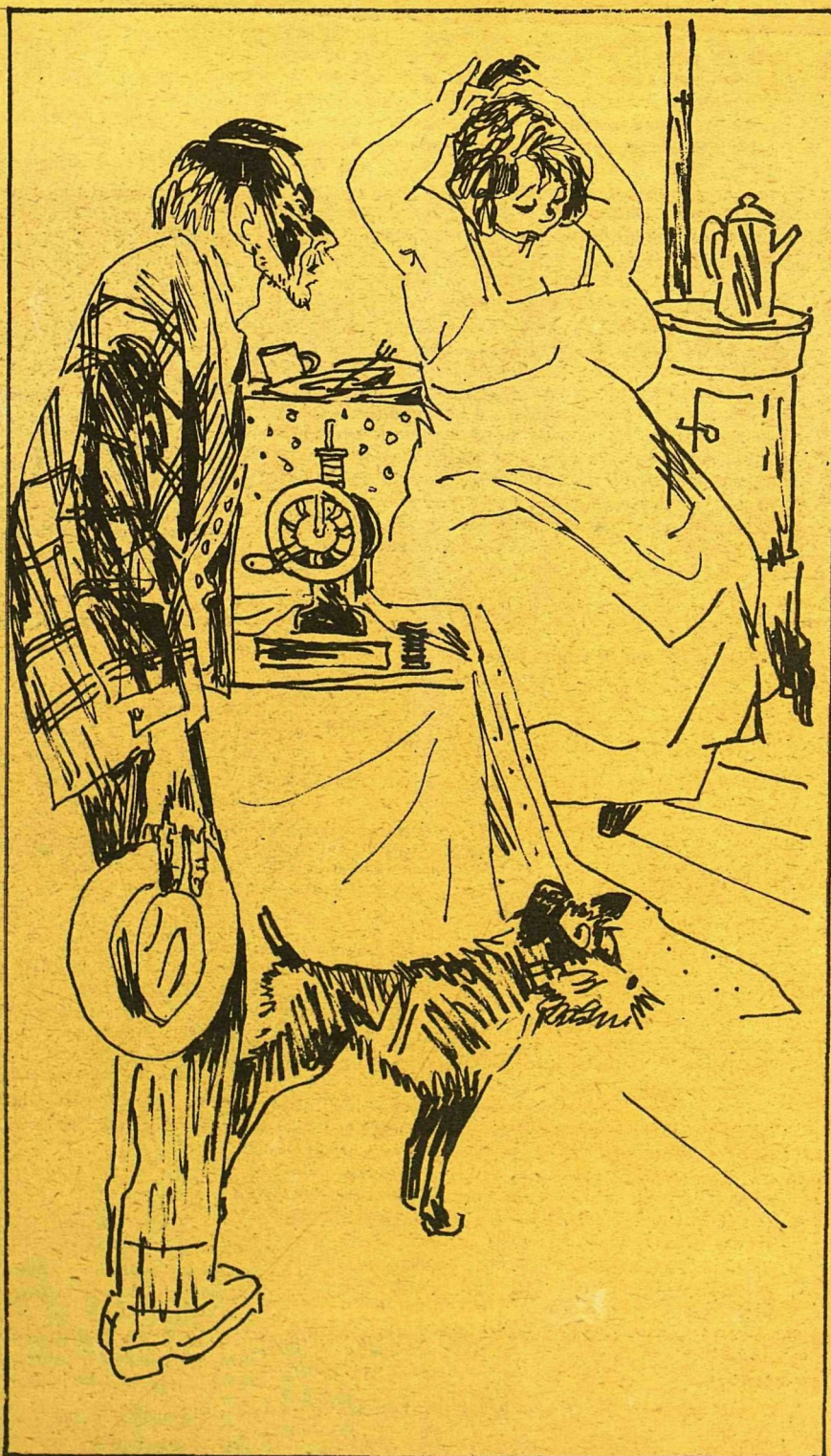

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

а выше первого этажа полы булыжные. До нашей квартиры было три — не скажу пролета — пролаза. Меблировка собственная: старинный позапрошлогодний гостинный гарнитур, живописные хромолитографии с гейшами в гарлемском чайном домике, каучуконос и супруг.

Чтоб мне Сириуса не видать! Вот уж злосчастный двуногий! Такой невзрачный рыжеватый человечиска с баками вроде моих. Подбашмачник! Курица его голым клювом заклует! Да что курица — клюй его все туканы, фламинго и пеликаны, он бы и голоса не повысил. Он вытирал посуду и тихо слушал, как моя хозяйка высказывалась насчет дешевых затасканных тряпок, которые мадам в беличьей шубке со второго этажа нахально развешивает сушиться. И каждый вечер, усаживаясь ужинать, она гнала его на улицу выгуливать меня.

Если б мужчины знали, как женщины проводят время наедине с собой, никто бы и не подумал жениться. Новости из жизни худющей, как скелет, Лоры Лин Джигби, каленый арахис, шею немножечко миндальным молоком, гора грязной посуды, полчаса болтовни с мороженщиком, разрытый ворох старых писем, один-другой маринованный огурчик и пара бутылок портеру, битый час подглядывания за квартирой напротив сквозь прореху в шторе — вот примерно и все, чем они занимаются. За двадцать минут до прихода мужа с работы дом наскоро прибирается, шиньон кое-как подправляется, вытаскивается и разбрасывается такое-сякое шитье, которое она минут десять тербит.

Жил я в этой квартире, как собака. Почти весь день лежал в своем углу и глядел, как она, толстуха, убивает время. Иногда засыпал, и снилось мне — совершенно без толку, — будто я загоняю кошек в подвалы и рычу на пожилых дам в черных митенках, как оно мне, псу, и положено. А она вдруг кидалась на меня, как на пуделя, со своими сладкими словечками и чмокала меня в нос — а мне что было делать? Гвоздику, что ли, жевать?

Я стал жалеть супружника, кот буду, если вру. Мы так были похожи друг на друга, что люди рты разевали; и мы обходили улицы, по которым катается мистер Морган в своем кебе, и гуляли-карабкались по прошлогодним наледям, закоулкам, где живет народ попроще.

Однажды вечером мы так и прогуливались: я корчил из себя святого пса — Бернара (медаль дома забыл), а он притворялся, будто не укукошит на месте первого же органиста, который заиграет при нем мендельсоновский свадебный марш. Я глянул на него снизу вверх и сказал по-своему:

— Ты-то чего куксишься, омар ты этакий прошлаклеванный? Тебя она не чмокает. Тебе не надо сидеть у

нее на коленях и слушать такое, отчего музыкальная комедия покажется не хуже Эпиктета. Скажи лучше спасибо, что ты не собака. Давай, бывший холостяк, прощайся с жизнью по совести.

А он, вислоухий моногам, посмотрел на меня сверху вниз с таким пониманием, словно не человек, а почти что собака.

— Ах ты, псина, — сказал он, — хорошая ты псина. Ты так глядишь, будто вот-вот заговоришь. В чем дело, псина, — кошки?

Кошки?! Заговоришь?! Эх! Ну, куда ему что-нибудь понять. Люди ведь лишены дара речи, при-сущего животным. Только разве и найдет собака общий язык с человеком, что в художественной литературе.

В квартире через площадку жила мадам с черно-пегим терьером. Муж цеплял его на поводок и выводил каждый вечер, но домой возвращался хо-хо и присвистывал. Я с этим черно-пегим как-то потыкался носами в вестибюле и спросил из любознательности:

— Слушай, ты, хвастун вертлявый, — говорю, — сам же знаешь, ни-какому мужчине не по нуру пасти собаку за здорово живешь. Сколько я их видел, привязанных к гав-гавам, и каждый норвит дать по рылу любому, кто на него посмотрит. А твой главный что ни день возвращается гоголем, будто фокусник с яйцом на носу. Это как? Ты только мне не говори, что ему, мол, это нравится.

— Ему-то? — говорит черно-пегий. — Да нет, он просто берет быка за те самые рога. Набузывает. Сначала, как мы выходим, он тихий и робкий, будто сел в покер и стесняется своего флеш-рояля. А после восьмого салуна ему один черт, кто у него на поводке — пес или морской лев. Я тут на днях не уберегся — так мне дверью-вертушкой два дюйма хвоста снесло.

Этот терьер хорошо намекнул на экстерьер — водевильщики, записывайте! — и я призадумался.

Как-то вечером возле шести часов хозяйка моя велела супругнику заняться делом — прогулять Пусика, пусть он подышит озоном. Я до сих пор это скрывал, но вот так она меня называет. Черно-пегого зовут Сладюсик. Если доведется нам чесать за кроликом, я эту собачью сладость, конечно, на полкормуса отставляю. И все же Пусик — это гремучая консервная банка на хвосте собачьего самоуважения.

В тихом местечке на боковой улочке я дернул поводок перед приличным, аккуратным салуном. Я так и кинулся скрести дверь, поддывал, словно газетный пес, который хочет оповестить семью, что малютка Алиса завязла в болоте, собирая лилии у ручейка.

— Лопни мои глаза, — сказал старикан, ухмыляясь, — лопни, да и только, если этот шафрановый отпрыск бутылки сельтерского лимона-

да не зазывает меня опрокинуть стаканчик-другой. Пстой-ка, пстой: а ведь я давным-давно не холил подошвы на перекладинке под столиком. Пожалуй, оно, может...

Я знал, что он у меня в лапах. За столиком он добрый часок принимал подогретое шотландское виски марки «Кэмп-белл». Я сидел рядом, постукивал хвостом об пол, подзывая официанта, и от пуза ел настоящую закуску — не то что деликатесы домашнего приготовления, которые ее милость закупала в кулинарии за восемь минут до прихода папочки.

— Бедная ты псина, — сказал он. — Хорошая ты псина. Нет уж, не целовать ей тебя больше. Это же стыд-позор. Беги, псина, куда хочешь, попадай под трамвай и живи в свое удовольствие.

Я никуда не побежал. Я скакал и резвился у ног старикана, счастливый, как бульдожка на ковровой дорожке.

— Ах ты, старая блохастая гроза сусликов, — говорил я ему. — Ах ты, лунолай, зайчихват, яйцекрад, старая ты дворняга, — не видишь разве, что я тебя не брошу? Разве не видишь, что мы с тобой оба — щенки в чашобе, а твоя миссис — злой дядька, который гонится за тобой с кухонным полотенцем, а за мной — с противоблошиной мазью и розовым бантиком на хвост? Давай-ка мы возьмем ноги в руки и подружимся заново.

Вы скажете, что он меня вряд ли понял, — может, и так. Зато подогретое шотландское его проняло, и он постоял минуту в раздумье.

— Псина, — сказал он наконец, — на этой земле нам больше двенадцати жизней не светит, и редко кто доживает до трехсот лет. Сукиным сыном мне быть, а ты будешь сукин кот, если мы вернемся в эту сучью квартиру, и это не брех на ветер. Пусть нас теперь хоть таксами травят — мы от них рванем на Запад, и ставлю шестьдесят против одного, что не догонят!

Поводка не было, я самоходом поспешал за хозяином к парому на Двадцать третьей стрит, и все кошки по дороге наперебой благодарили всевышнего, что он одарил их втяжными когтями.

На джерсийской стороне хозяин мой сказал незнакомцу, который ел булку с изюмом:

— Мы тут с моей псиной держим курс на Скалистые горы.

Но больше всего мне понравилось, когда мой старикан оттянул мне уши так, что я аж взвыл, и сказал:

— Ну ты, мартышка-недотепа, желтопузое крысохвостое отродье полоника, знаешь, как я тебя будут звать?

Я подумал, что Пусик, и жалобно заскулил.

— Я тебя буду звать Пит, — сказал мой хозяин, и по справедливости мне бы нужно было вилять пятью хвостами, да и тех бы не хватало.

Перевел
В. МУРАВЬЕВ.

— Для удачливого бизнесмена важно твердо придерживаться этических норм, — поучал владелец магазина ученика. — Например, вчера покупатель расплатился со мной сто-долларовой банкнотой. Когда он ушел, я обнаружил, что к ней прилипла еще одна сто-долларовая бумажка. Отсюда этический вопрос: говорить мне об этом своему компаньону или нет!

Маленький Джованни пришел на первое занятие по плаванию. Через час он сказал тренеру:

— Может быть, синьор, уже все! Мне больше не хочется пить.

Ганс увидел в вагоне плачущую женщину, стоящую у окна, и заинтересовался:

— Что случилось, мадам! Почему вы плачете!

— Ах, — всхлинула дама, — мой

муж вышел на остановке за газетами, и поезд ушел без него!

— О, я вам сочувствую. Просто ужасно остаться в поезде без чтения.

За чашкой кофе один кассир спрашивает другого:

— Роберт, тебе когда-нибудь приходилось выступать перед большим количеством людей?

— Да, однажды приходилось.

— И что же ты им сказал?

— Господа, я невиновен!

КРОКОДИЛ

№ 32 (2366)
ноябрь

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:

М. А. АБРАМОВ,
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ,
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора),
А. Б. ГОЛУБ,
Б. Е. ЕФИМОВ,
Р. Т. КИРЕЕВ,
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор),
Г. О. МАРЧИК,
Н. И. МОНАХОВ,
В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ
(ответственный секретарь),
В. И. СВИРИДОВ,
И. М. СЕМЕНОВ,
М. Г. СЕМЕНОВ,
С. В. СМЕРНОВ,
С. С. СПАССКИЙ,
А. А. СУКОНЦЕВ,
А. И. ХОДАНОВ
(зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ
ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14

Телефоны:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ
1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: А. Андреев, М. Абрамов, Р. Друман, Г. Ломидзе (г. Тбилиси), В. Мохов, А. Помазнов, Р. Самойлов, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА

Сдано в набор 15.10.81.
Подписано к печати 27.10.81.
А 12142.
Формат бумаги 70×108¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 780 000 экз.
(1-й завод: 1 — 3 631 082).
Изд. № 2601.
Зак. № 1429.

© Издательство «Правда».
«Крокодил», 1981 г.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВСЕОБЩАЯ
"ЗНАК ПОСЧЕТА"
ПАЛАТА
1981 г.

Пентагон предпринял новую операцию большой лжи, опубликовав брошюру под заголовком «Советская военная мощь». Расписывая вооружения СССР, авторы брошюры не приводят ни одной цифры о колоссальных вооружениях США. А это и есть обман народов.

УДОБНАЯ ШИРМА.

Рисунок М. АБРАМОВА.